

Висенте Бласко-Ибаньес

Детоубийцы

Висенте Бласко-Ибаньес

Детоубийцы

«Public Domain»

1911

Бласко-Ибаньес В.

Детоубийцы / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain», 1911

«Какъ каждый вечеръ, почтовая барка дала знать о своемъ приходѣ въ Пальмаръ нѣсколькими звуками рожка. Перевозчикъ, худой человѣкъ, съ однимъ отрѣзаннымъ ухомъ, переходилъ отъ дверей къ дверямъ, собирая порученія въ Валенсію, и, подходя къ незастроеннымъ мѣстамъ единственной улицы, снова и снова трубилъ, чтобы предупредить о своемъ присутствіи разсѣянные по берегу канала хижины. Толпа почти голыхъ ребятишекъ слѣдовала за нимъ съ чувствомъ благоговѣнія. Имъ внушалъ уваженіе этотъ человѣкъ, четыре раза въ день переѣзжавшій Альбуферу, увозя въ Валенсію лучшую часть улова изъ озера и привозя тысячи предметовъ оттуда, изъ города столь таинственнаго и фантастическаго для этой дѣтвора, выросшей на островѣ тростниковъ и ила...» Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	5
II	14
III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Висенте Бласко Ибаньесъ

Дѣтоубійцы

(Иль и тростникъ)

I

Какъ каждый вечеръ, почтовая барка дала знать о своемъ приходѣ въ Пальмаръ нѣсколькими звуками рожка.

Перевозчикъ, худой человѣкъ, съ однимъ отрѣзаннымъ ухомъ, переходилъ отъ дверей къ дверямъ, собирая порученія въ Валенсію, и, подходя къ незастроеннымъ мѣстамъ единственной улицы, снова и снова трубилъ, чтобы предупредить о своемъ присутствіи разсѣянныхъ по берегу канала хижины. Толпа почти голыхъ ребятишекъ слѣдовала за нимъ съ чувствомъ благоговѣнія. Имъ внушалъ уваженіе этотъ человѣкъ, четыре раза въ день переѣзжавшій Альбуферу, увозя въ Валенсію лучшую часть улова изъ озера и привозя тысячи предметовъ оттуда, изъ города столь таинственного и фантастическаго для этой дѣтвора, выросшей на островѣ тростниковъ и ила.

Изъ трактира *Сахара*, главнаго учрежденія Пальмара, вышла группа жнецовъ съ мѣшками на плечахъ отыскать себѣ мѣсто на баркѣ, чтобы вернуться къ себѣ домой. Толпами подходили женщины къ каналу, похожему на венецианскій переулокъ, по краямъ котораго ютились хижины и садки, гдѣ рыбаки хранили угрей. Въ мертвой водѣ, отливавшей блескомъ олова, неподвижно покоилась почтовая барка, словно большой гробъ, наполненный людьми и поклажей, почти до краевъ погруженный въ воду. Треугольный парусъ съ темными заплатами кончался полинявшимъ лоскуткомъ, когда-то бывшимъ испанскимъ флагомъ, свидѣтельствовавшимъ о казенномъ характерѣ ветхой барки...

Вокругъ нея стояла нестерпимая вонь. Ея доски хранили запахъ корзинъ съ угрями и грязи сотни пассажировъ: то была отвратительная смѣсь запаха пропотѣвшей кожи, чешуи рыбъ, выросшихъ среди ила, грязныхъ ногъ и засаленнаго платья. Отъ постоянного сидѣнія скамейки барки лоснились и блестѣли.

Пассажиры, въ большинствѣ случаевъ жнецы изъ Перелльо, что на самой границѣ Альбуферы, у самаго моря, съ громкимъ крикомъ требовали, чтобы перевозчикъ тронулся поскорѣе въ путь. Баржа уже переполнена! Въ ней нѣтъ больше мѣста.

Такъ оно и было. Однако перевозчикъ, обращая къ нимъ обрубкомъ отрѣзаннаго уха, какъ будто для того, чтобы ихъ не слышать, медленно разставлялъ въ баркѣ корзины и мѣшки, которые женщины протягивали ему съ берега. Каждый новый предметъ вызывалъ протесты. Пассажиры тѣснились или мѣняли мѣсто. Новые пришельцы выслушивали съ евангельской кротостью дождь ругательствъ, сыпавшихся на нихъ изъ устъ тѣхъ, кто уже устроился. Немного терпѣнія! Пусть имъ дадутъ столько мѣста, сколько имъ Богъ дастъ на небесахъ! Подъ тяжестью груза барка погружалась все глубже въ воду. Тѣмъ не менѣе перевозчикъ, привыкшій къ смѣлымъ переѣздамъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго безпокойства. Въ баркѣ не было уже ни одного свободнаго мѣста. Двое пассажировъ уже сгояли на борту, схватившись за мачту. Другой помѣстился на носу, точно галіонъ большого корабля. Тѣмъ не менѣе среди всеобщихъ криковъ протеста перевозчикъ еще разъ спокойно затрубилъ въ рожокъ. Боже Праведный! Ужели для разбойника и этого недостаточно? Ужели они проведутъ весь вечеръ здѣсь подъ лучами сентябрьскаго солнца, бросавшаго косые жгучіе лучи, сжигая имъ спины?

Вдругъ воцарилось молчаніе.

Пассажиры барки увидѣли, какъ по берегу канала приближается человекъ, поддерживаемый двумя женщинами, скелетъ, бѣлый и дрожащій, съ горящими глазами, закутанный въ одѣяло. Казалось, вода кипѣла отъ жары лѣтняго вечера. Въ баркѣ люди вспотѣли и каждый старался освободиться отъ липкаго прикосновенія сосѣда. А этотъ человекъ дрожалъ, стуча зубами въ ужасныхъ припадкахъ лихорадки, какъ будто для него мѣръ былъ окутанъ вѣчной ночью. Поддерживавшія его женщины громко протестовали, видя что никто изъ пассажировъ не двигается. Должны же они дать ему мѣсто! Это больной работникъ. Кося рись онъ заразился проклятой альбуферской перемежающейся лихорадкой и ѣхалъ теперь въ Русафу лѣчиться въ домъ какихъ-то родственниковъ. Развѣ они не христіане? Хоть каплю состраданія! Одно мѣстечко!..

И дрожавшее отъ лихорадки привидѣніе повторяло, какъ эхо, пресѣкавшимся отъ озноба голосомъ:

– Хоть каплю состраданія!

Его втокнули въ барку, но эгоистическая толпа не разступилась передъ нимъ. Не найдя нигдѣ мѣста, онъ опустился на дно барки, среди ногъ пассажировъ, въ отвратительной обстановкѣ, причемъ лицо его касалось грязныхъ башмаковъ и запачканныхъ иломъ сапогъ; народъ, казалось, привыкъ къ такимъ сценамъ. Барка служила рѣшительно для всего. Она перевозила съѣстные припасы, больныхъ и мертвецовъ. Каждый день она набирала больныхъ, перевозя ихъ въ предмѣстѣе Русафы, гдѣ обитатели Пальмара, лишены всякихъ медицинскихъ средствъ, лѣчились въ наемныхъ квартирахъ отъ перемежающейся лихорадки. Когда умиралъ бѣднякъ, не владѣвшій собственной баркой, гробъ ставили подъ скамейку, и пассажиры отправлялись въ путь одинаково равнодушно, смѣясь и разговаривая, толкая ногами останки покойника.

Когда больной спрятался на днѣ барки, снова поднялись протесты. И кого еще ждетъ одноухій? Развѣ еще кого-нибудь недостаетъ? И вдругъ всѣ почти пассажиры встрѣтили взрывами смѣха парочку, выходящую изъ дверей трактира *Сахара*, у самого канала.

– Дядюшка Пако! – кричали многіе. Дядюшка *Сахаръ*! Трактирщикъ, огромнаго роста человекъ, толстый, страдавшій водянкой, шелъ маленькими подпрыгивающими шажками, то и дѣло жалуясь, по дѣтски вздыхая и опираясь на свою жену Нелету, маленькую женщину съ безпорядочными рыжими волосами и живыми зелеными глазами, мягко ласкавшими своимъ бархатомъ. О! Знаменитый *Сахаръ*! Всегда онъ боленъ и жалуется, а его жена, съ каждымъ днемъ все болѣе красивая и очаровательная, царитъ изъ-за своего прилавка надъ всѣмъ Пальмаромъ и Альбуферой. Онъ страдаетъ болѣзью богачей: у него слишкомъ много денегъ и онъ пользуется слишкомъ хорошей жизнью! Стоитъ только посмотреть на его брюхо, на его красное, какъ мѣдъ лицо, на его щеки, которыя почти скрывали его круглый носъ и заплывшіе жиромъ глаза. Такой болѣзью, пожалуй, каждому захочется страдать! Вотъ если бы ему пришлось зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, стоя по поясъ въ водѣ и кося рись, онъ не почувствовалъ бы себя больнымъ! – Съ трудомъ поставилъ трактирщикъ одну ногу въ барку, слабо вздыхая, все попрежнему опираясь на Нелету, ворча на толпу, издѣвавшуюся надъ его болѣзью. Онъ знаетъ, какъ чувствуетъ себя. О Боже! И онъ устроился на мѣстѣ, которое ему уступили съ той услужливостью, съ которой деревенскій людъ относится къ богачамъ, между тѣмъ, какъ его жена нисколько не смущалась шутивными комплиментами тѣхъ, кто находили ее такой возбужденной и хорошенькой.

Она помогла мужу открыть большой зонтикъ, поставила рядомъ съ нимъ корзину съ провизіей, хотя путешествіе не продолжится и трехъ часовъ, и попросила наконецъ перевозчика какъ можно больше заботиться о ея Пако. Онъ на нѣкоторое время отправляется въ свой домикъ въ Русафѣ. Тамъ его будутъ лѣчить хорошіе врачи. Бѣднякъ немного боленъ. Она говорила все это улыбаясь, съ невиннымъ видомъ, лаская глазами смягчившагося перевозчика, который при первыхъ колебаніяхъ барки закачался, какъ будто былъ сдѣланъ изъ желатина. Онъ не обращалъ никакого вниманія на насмѣшливое подмигиваніе толпы, на ироническіе

взгляды, которые переходили отъ жены на трактиршика, сидѣвшаго сгорбившись на своемъ мѣстѣ подъ зонтикомъ и вздыхавшаго со скорбнымъ ворчаніемъ.

Перевозчикъ уперся длиннымъ шестомъ въ берегъ и барка поплыла по каналу, сопровождаемая голосомъ Нелеты, продолжавшей съ загадочной улыбкой просить всѣхъ друзей, чтобы они позаботились о ея мужѣ.

По мусору на берегу вслѣдъ за баркой побѣжали курицы. Стаи утокъ махали крыльями около носа, взбаломутившаго зеркальную гладь канала, въ которомъ верхомъ внизъ отражались хижины и черныя барки, привязанныя къ садкамъ съ соломенными крышами вровень съ водой, украшенными наверху деревянными крестами, которые точно должны были водившихся въ ней угрей поставить подъ покровительство неба.

Выйдя изъ канала, почтовая барка стала скользить между рисовыми плантаціями, огромными полями жидкаго ила, покрытыми колосьями бронзовой окраски. Жнецы, погруженные въ воду, подвигались впередъ съ серпами въ рукѣ и маленькія лодки, черныя и узкія, какъ гондолы, воспринимали въ свои нѣдра снопы, чтобы отвести ихъ на гумно. Посрединѣ этой водяной растительности, представлявшей какъ бы продолженіе каналовъ, поднимались то тамъ, то здѣсь, на илистыхъ островахъ, бѣлые домики, съ трубами. То были машины, орошавшія или высушивавшія смотря по надобности поля.

Высокіе берега скрывали сѣтъ каналовъ, широкія *шоссе*, по которымъ плыли нагруженные рисомъ парусныя барки. Ихъ корпуса оставались незримыми и большіе треугольные паруса скользили надъ зеленою полей, въ вечерней тишинѣ, какъ призраки, идущіе по твердой землѣ...

Пассажиры разсматривали поля глазами знатоковъ, высказывая свое мнѣніе объ урожаѣ, и жалѣя судьбу тѣхъ, земля которыхъ пропиталась селитрой, уничтожавшей рисъ.

Барка скользила по тихимъ каналамъ съ желтоватой водой, отливавшей золотистымъ цвѣтомъ чая. Въ глубинѣ, подъ прикосновеніемъ кия, водоросли наклоняли свои головки. Благодаря царившей кругомъ тишинѣ и зеркальной глади воды тѣмъ явственнѣе слышались всѣ звуки. Когда разговоръ прекращался, ясно раздавались жалобные вздохи больного подъ скамейкой и упорное ворчанье *Сахара*, борода котораго упиралась въ грудь. Отъ дальнихъ почти невидимыхъ барокъ доносились, усиленные тишиной, звуки удара весломъ о палубу, скршгъ мачты и голоса рыбаковъ, увѣдомлявшихъ о своемъ присутствіи, чтобы избѣжать столкновенія на поворотахъ каналовъ.

Одноухій перевозчикъ оставилъ шестъ. Перепрыгивая черозъ ноги пассажировъ, онъ бросался отъ одного конца барки къ другому, устанавливая парусъ, чтобы использовать слабую вечернюю бризу.

Барка вѣхала въ озеро, въ ту часть Альбуферы, которая была залолнена камышемъ и островками, и гдѣ приходилось плыть съ предосторожностью. Горизонтъ расширялся. По одну сторону виднѣлась темная волнистая линія сосенъ Деесы, отдѣлявшей Альбуферу отъ моря, почти дѣвственный лѣсъ, тянувшійся на цѣлыя мили, гдѣ пасутся дикіе буйволы и живутъ большія змѣи, которыхъ очень немногіе видѣли, но о которыхъ всѣ съ ужасомъ говорятъ въ ночной часъ. На противоположной сторонѣ – безграничная равнина рисовыхъ полей, теряющаяся на дальнемъ горизонтѣ у Сольяны и Суеки, сливаясь съ отдаленными горами. Напротивъ – камыши и островки, скрывавшіе свободныя части озера. Барка скользила между ними, задѣвая носомъ водяныя растенія, касаясь парусомъ тростниковъ, выдававшихся съ берега. Спутанныя темныя склизкія растенія поднимались на поверхность, подобно липкимъ щупальцамъ, опутывая шестъ перевозчика, и глазъ тщетно старался проникнуть въ угрюмую больную фауну, въ нѣдрахъ которой копошились животныя, созданія ила. Взоры всѣхъ выражали одну и ту же мысль. Кто упадетъ туда, не скоро выберется.

Стадо быковъ паслось на берегу, среди камышей и болотъ, на границѣ съ Деесой. Нѣкоторые изъ нихъ, переплывъ къ ближайшимъ островкамъ, погружившись по самый животъ въ

грязь, жевали жвачку среди тростника, и когда двигали тяжелыми ногами, то вода издавала громкое бульканье. Нѣкоторые были большіе, грязные, съ боками, покрытыми корой, съ огромными рогами и слюнящейся мордой. Они дико глядѣли на нагруженную барку, скользившую между ними, и при каждомъ движеніи ихъ головъ кругомъ разлеталось облако большихъ комаровъ и снова усаживалось на ихъ кудрявыхъ лбахъ.

На небольшомъ разстояніи, на возвышеніи, представлявшемъ ничто иное, какъ узкую полосу ила между двумя пространствами воды, пассажиры барки увидѣли сидѣвшаго на корточкахъ человѣка.

Жители Пальмара знали его.

– Смотрите, *Пиавка!* – вскричали они. – Пьяница *Пиавка!*

И размахивая шляпами, они громко крича спрашивали его, гдѣ онъ выпилъ утромъ и не думаетъ ли онъ здѣсь переночевать. *Пиавка* оставался неподвижее, потомъ, выведенный изъ терпѣнія смѣхомъ и криками пассажировъ, всталъ, сдѣлалъ легкій пируэтъ, ударилъ себя нѣсколько разъ по задней части тѣла, съ выраженіемъ презрѣнія, и снова съ серьезнымъ видомъ присѣлъ.

Когда онъ всталъ, раздались еще болѣе громкіе взрывы смѣха, вызванные его страннымъ видомъ. На шляпѣ красовался высокій султанъ изъ цвѣтовъ Деесы, а на груди и вокругъ лица висѣли гирлянды изъ лѣсныхъ колокольчиковъ, растущихъ среди береговыхъ тростниковъ.

Всѣ говорили о немъ! Что за типъ этотъ *Пиавка!* Другого такого не было въ деревняхъ на озерѣ! Онъ твердо рѣшилъ не работать, какъ работаетъ большинство людей, говоря, что трудъ есть оскорбленіе Бога, и цѣлый день искалъ кого-нибудь, кто пригласитъ его выпить. Онъ напивался до пьяна въ Перелльо, чтобы выспаться въ Пальмарѣ. Онъ выпивалъ въ Пальмарѣ, чтобы на другой день проснуться въ Салерѣ и, когда бывали праздники среди обитателей материка, его можно было видѣть въ Сильѣ или Катаррохѣ, гдѣ онъ разыскивалъ среди земледѣльцевъ Альбуферы человѣка, который его угостилъ бы. Было по истинѣ чудомъ, что его не нашли мертвымъ на днѣ какого-нибудь канала послѣ столькихъ путешествій пѣшкомъ въ состояніи полного опьяненія, по самой окраинѣ рисовыхъ полей, узкой, какъ остріе топора, по каналамъ, погрузившись по самую грудь въ воду, и по колеблющемуся илу, куда никто не рискнулъ бы отправиться, развѣ только въ баркѣ. Его домомъ была вся Альбуфера. Инстинктъ сына озера спасалъ его отъ опасностей и часто ночью, являясь въ трактиръ *Сахара*, чтобы выпросить себѣ стаканчикъ, онъ хранилъ на себѣ липкіе слѣды и запахъ ила, точно настоящій угорь.

Прислушиваясь къ бесѣдѣ, трактирщикъ кряхтя бормоталъ. «*Пиавка!* Ну и безстыдникъ! Тысячу разъ онъ ему запрещалъ заходить...» Пассажиры смѣялись, вслomiная странныя украшенія бродяги, его страсть покрывать себя цвѣтами и вѣнками, какъ дикарь, какъ только въ его голодномъ желудкѣ начинало дѣйствовать вино.

Барка вѣзжала все дальше въ озеро. Между двумя линиями тростяка, похожими на моль гавани, виднѣлось обширное пространство гладкой блестящей, голубовато – бѣлой воды. Это была собственно Альбуфера, свободное озеро, по которому на значительномъ разстояніи другъ отъ друга были разбросаны группы тростника, гдѣ искали себѣ пріютъ преслѣдуемые городскими охотниками озерныя птицы. Барка плыла вдоль Деесы, гдѣ участки ила, покрытые водой, постепенно переходили въ рисовыя поля.

На маленькой лагунѣ, окаймленной возвышеніями изъ ила, человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, стоя въ баркѣ, высыпалъ изъ корзины землю въ воду. Пассажиры съ удивленіемъ смотрѣли на него. То былъ дядюшка Тони, сынъ дядюшки *Голубя*, и въ свою очередь отецъ Тонета, прозваннаго *Кубинцемъ*. При упоминаніи этого имени многіе посмотрѣли насмѣшливо на трактирщика, продолжавшаго кряхтѣть, какъ будто ничего не замѣчая.

Во всей Альбуферѣ не было лучшаго работника, чѣмъ дядюшка Тони. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало стать собственникомъ, имѣть свои рисовыя поля и не жить рыбной ловлей, какъ дядюшка *Голубь*, старѣйшій изъ рыбаковъ Альбуферы. И такъ какъ семья помогала ему

только по временамъ, утомленная грандіозностью предпріятія, то онъ одинъ наполнялъ землей, привезенной изъ далека, глубокую яму, уступленную ему богатой барыней, не знавшей, что ей дѣлать съ ней.

Для одного человѣка это была работа цѣлыхъ лѣтъ, быть можетъ цѣлой жизни. Дядюшка *Голубъ* смѣялся надъ нимъ, сынъ помогать ему только изрѣдка, но сейчасъ же уставалъ. Тони же съ несокрупшмой вѣрой продолжалъ свое дѣло съ помощью только *Подкидыша*, бѣдной дѣвушки, которую его покойная жена взяла изъ воспитательнаго дома, дѣвушки робкой и трудолюбивой, какъ онъ самъ.

«Богъ въ помощь, дядюшка Тони! Не унывай! Скоро вырастетъ рисъ на его полѣ!» И барка удалялась, тогда какъ упрямый работникъ поднималъ голову лишь на мгновенье, чтобы отвѣтить на ироническія привѣтствія.

Нѣсколько поодаль, пассажиры увидѣли на маленькой барочкѣ, похожей на гробъ, дядюшку *Голубя* около ряда колышекъ, гдѣ онъ опускалъ свою сѣть, чтобы ее вынуть на слѣдующій день.

Въ баркѣ обсуждали вопросъ, девяносто ли лѣтъ старику или онъ приближается въ сотнѣ. И чего только не видалъ онъ, не покидая Альбуферы! Сколькихъ людей онъ зналъ! И они повторяли преувеличенные народнымъ легковѣріемъ рассказы о его фамилярныхъ дерзостяхъ съ генераломъ Примъ, которому онъ служилъ перевозчикомъ во время его охоты на озерѣ, о его грубости съ важными барынями и даже королевами. Какъ будто догадываясь объ этихъ комментаріяхъ и пресытившись славой, онъ продолжалъ стоять сторбившись, рассматривая сѣти, показывая спину въ блузѣ съ широкими клѣтками и черную шляпу, нахлобученную до самыхъ сморщенныхъ ушей, казалось, отдѣлявшихся отъ головы. Когда почтовая барка подъѣхала, онъ поднималъ голову, показывая черную продасть беззубаго рта и круги красноватыхъ морщинъ вокругъ глубоко лежавшихъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась искорка иронического блеска.

Вѣтеръ свѣжѣлъ. Парусъ вздувался и нагруженная барка при каждомъ толчкѣ наклонялась, такъ что вода забрызгивала спины тѣхъ, кто сидѣлъ на краю. Около носа вода, разсѣкаемая сильными ударами, издавала съ каждымъ разомъ все болѣе громкое бульканье. Барка находилась теперь въ самой настоящей Альбуферѣ, въ безграничномъ *просторѣ*, лазурномъ и гладкомъ, какъ венеціанское зеркало, въ которомъ отражались въ опрокинутомъ видѣ барки и отдаленные берега съ слегка извилистыми очертаніями. Казалось, въ глубинѣ озера несутся облака, какъ хлопья бѣлой шерсти. На берегу Деесы нѣсколько охотниковъ, сопровождаемые собаками, отражались въ водѣ головою внизъ. Въ томъ направленіи, гдѣ находился материкъ, мѣстечки Риберы, благодаря большому разстоянію, казалось, плыли по озеру.

Вѣтеръ, съ каждой минутой крѣпчавшій, измѣнилъ поверхность Альбуферы. Волненіе становилось ощутительнѣе, вода принимала зеленый цвѣтъ, похожій на цвѣтъ моря, дна озера уже не было видно, а на берегахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ песка и раковинъ, волны оставляли теперь желтую накипь пѣны, мыльные пузыри, сверкавшіе на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

Барка скользила вдоль Деесы и передъ ней быстро проносились песчаные холмы съ домиками сторожей на верхушкѣ, густыя завѣсы кустарниковъ, группы покривившихся сосенъ, странныхъ на видъ, словно куча подвергшихся пыткамъ тѣлъ. Пассажиры, воодушевленные быстротой ѣзды, возбужденные опасностью, при видѣ того, какъ барка однимъ бокомъ касалась самого озера, привѣтствовали криками другія барки, проѣзжавшія вдали и протягивали руки, чтобы почувствовать ударъ волнъ, поднятыхъ быстрымъ ходомъ. У руля вода образовывала воронки. На недалекомъ разстояніи носились двѣ темныя птицы, которыя то ныряли, то послѣ долгаго промежутка вновь показывали свои головы, развлекая пассажировъ своими приемами ловли рыбы. Тамъ дальше, въ заросляхъ на большихъ островахъ изъ тростника *лысухи* и *зеленныя шейки* при приближеніи барки улетали, но медленно, какъ бы чуя, что народъ этотъ мирный. Нѣкоторые пассажиры при видѣ ихъ раскраснѣлись отъ волненія. Какъ ловко можно было

бы их подстрѣлить! Почему запрещаютъ стрѣлять безъ разрѣшенія, какъ каждому захочется? И между тѣмъ, кауъ воинственные среди пассажировъ возмущались, со дна барки слышался стонъ больного, и *Сахаръ*, опаляемый лучами заходившаго солнца, проскальзывавшими подъ его зонтикъ, вздыхалъ, какъ ребенокъ.

Лѣсъ, казалось, уходилъ къ самому морю, оставляя между собой и Альбуферой обширную низкую равнину, поросшую дикой растительностью, мѣстами разъединенной гладкою блестящей полосой маленькихъ лагунъ.

Равнина носила названіе Санча. Среди кустарниковъ паслось стадо козъ, подъ присмотромъ мальчика, и при видѣ его въ памяти дѣтей Альбуферы воскресла легенда, давшая равнинѣ ея имя.

Жители материка, возвращавшіеся домой, хорошо заработавъ въ дни жатвы, спрашивали, кто эта Санча, которую женщины называли не безъ страха, и жители озера рассказывали сосѣду – чужестранцу простую легенду, которую всѣ заучивали съ дѣтскихъ лѣтъ.

Маленькій пастухъ, въ родѣ того, который шелъ теперь по берегу, пасъ когда-то своихъ козъ на той же самой равнинѣ. Было это много, много лѣтъ назадъ и такъ давно, что никто изъ нынѣшнихъ обитателей Альбуферы не зналъ этого пастуха, даже дядюшка *Голубъ*!

Мальчикъ жилъ, какъ настоящій дикарь, въ одиночествѣ, и рыбаки, ловившіе въ озерѣ рыбу, слышали въ тихіе утренніе часы, какъ онъ кричалъ вдали:

– Санча! Санча!

Санча была маленькая змѣйка, единственная подруга, которая его провожала. На его крикъ подползала отвратительная гадина и пастухъ, подоивъ своихъ лучшихъ козъ, предлагалъ ей блюдо молока. Потомъ, когда солнце начинало припекать, мальчикъ мастерилъ себѣ дудку, срѣзая тростники, и наигрывалъ на ней нѣжные звуки, а змѣя у его ногъ то вытягивалась, то свивалась, какъ будто хотѣла танцевать подъ тонъ пріятной мелодіи. Иногда пастухъ развлекался тѣмъ, что уничтожалъ кольца *Санчи* и растягивалъ ее въ видѣ прямой линіи по песку, восхищаясь, какъ она нервными порывами снова свивалась въ кольцо. Когда, угомившись этими играми, онъ гналъ стадо на противоположный конецъ равнины, змѣя слѣдовала за нимъ, какъ собачка, или обернувшись вокругъ его ногъ поднималась до самой его шеи и застывала въ такомъ положеніи, какъ мертвая, вперивъ свои алмазные глаза въ глаза пастуха, причемъ пушокъ на его щекахъ поднимался отъ шипѣнія ея треугольнаго рта.

Жители Альбуферы считали его колдуномъ и не одна женщина, воруя дрова въ Деесѣ, при видѣ того, какъ онъ подходилъ съ Санчой вокругъ шеи, осѣняла себя знаменіемъ креста, какъ будто передъ ней предсталъ дьяволъ. Всѣ поняли, почему пастухъ, ночуя въ лѣсу, не боялся большихъ гадюкъ, кишѣвшихъ въ кустарникахъ. Санча, т. е. дьяволъ, охраняла его отъ всякихъ опасностей.

Змѣя росла и самъ пастухъ возмужалъ, какъ вдругъ пропалъ изъ виду жителей Альбуферы... Говорили, что онъ пошелъ въ солдаты и воевалъ въ Италіи. На дикой равнинѣ не паслось больше ни одного стада. Выходя на берегъ, рыбаки не осмѣливались зайти въ троестникъ, покрывавшій проклятыя лагуны. Лишившись молока, которымъ ее угощали пастушокъ, Санча, вѣроятно, охотилась за безчисленными кроликами Деесы.

Прошло восемь или десять лѣтъ и вотъ однажды жители Салера увидѣли, какъ по дорогѣ изъ Валенсіи шелъ опираясь на палку и съ ранцемъ за плечами, солдатъ, гренадеръ, худой и желтый, какъ лимонъ, въ черныхъ гетрахъ до самыхъ колѣнъ, въ бѣлой курткѣ съ красными отворотами, въ шляпѣ вида митры на волосахъ, заплетенныхъ въ косу. Несмотря на большіе усы, его узнали. Это былъ пастухъ, вернувшійся домой, чтобы снова взглянуть на родныя мѣста. Онъ отправился въ лѣсъ на берегу озера и достигъ болотистой равнины, гдѣ раньше пасъ свое стадо. Кругомъ никого. Стрекозы порхали надъ высокимъ камышемъ съ легкимъ стрекотаніемъ, а въ скрытыхъ кустарникомъ болотахъ плескались жабы, обезпокоенные приближеніемъ солдата.

– Санча! Санча! – тихо позвать бывший пастухъ.

Кругомъ ни звука. Лишь издали доносилась сонная пѣсенка невидимаго рыбака, ловившаго рыбу въ центрѣ озера.

– Санча! Санча! – снова крикнуть солдатъ изв всѣхъ силъ.

Повторивъ еще нѣсколько разъ овой призывъ, онъ вдругъ увидѣлъ, какъ задвигалась высокая трава, и услышалъ шорохъ раздвигаемаго тростника, словно ползетъ тяжелое тѣло. Среди камыша заеверкали два глаза на одномъ уровнѣ съ его глазами и къ нему приближалась плоская голова, шипя острымъ, какъ шпилька, языкомъ, тауъ что кровь въ немъ застыла и жизнь, казалось, остановится. То была Санча, но огромная, великолѣпная, достигавшая чело-вѣческаго роста, волочившая среди кустарника свой хвостъ, конца котораго не было видно, съ разноцвѣтной шкурой, толстая, какъ стволъ сосны.

– Санча!.. – вскрикнулъ солдатъ, со страхомъ отступая назадъ. – Какъ ты выросла! Какая ты большая!

Онъ хотѣлъ уже бѣжать. Когда прошло удивленіе, казалось, и старая подруга узнала его и обвилась вокругъ его плечъ, сжимая его кольцомъ своей морщинистой кожи, дрожавшей отъ нервнаго трепета. Солдатъ пробовалъ бороться.

– Оставь меня, Санча, оставь! Не обнимай! Ты слишкомъ ужъ выросла для такихъ игръ!

Другое кольцо скрутило его руки. Ротъ змѣи, какъ въ былые годы, ласкалъ его. Отъ дыханія ея колебались его усы, дрожъ ужаса пробѣжала по немъ и по мѣрѣ того, какъ кольца все сжимались, солдатъ задыхался, кости его затрещали, и онъ упалъ на землю, обвитый пеет-рыми кольцами змѣи.

Нѣсколько дней спустя рыбаки нашли его трупъ, безформенную массу, съ переломленными костями, съ тѣломъ, посинѣвшимъ отъ неумолимыхъ объятій Санчи. Такъ умеръ пастухъ, жертвой ласки своей прежней подруги.

Въ баркѣ чужестранцы, слыша рассказъ, смѣялиась, тогда какъ женщины безпокойно двигали ногами, воображая, что то, что издавало около ихъ платья глухой стонъ, была Санча, спрятавшаяся на днѣ барки.

Озеро кончалось. Еще разъ барка въѣхала въ сѣть каналовъ и далеко, очень далеко, надъ безграничнымъ пространствомъ рисовыхъ полей, выдѣлялись домики Салера, ближайшаго къ Валенсіи мѣстечка Альбуферы съ гаванью, занятой безчисленнымъ множествомъ лодочекъ и большихъ барокъ, заслонявшихъ горизонтъ своими мачтами, походившими на облупленные сосны.

Вечеръ кончался. Барка, замедливъ ходъ, скользила по мертвымъ водамъ канала. Тѣнь отъ паруса проносилась, какъ облако, надъ рисовыми полями, залитыми краснымъ свѣтомъ заката, на берегу, на оранжевомъ фонѣ, выступали силуэты пассажировъ.

То и дѣло, орудуя шестомъ, возвращались люди съ своихъ полей, стоя въ черныхъ лодкахъ, очень маленькихъ, по самые края погруженныхъ въ воду. Эти лодки были какъ бы лошадьми Альбуферы. Всѣ представители этой водяной расы съ дѣтства научались управлять ими. Безъ нихъ нельзя было ни работать въ полѣ, ни навѣстить сосѣда, ни вообще существовать. То и дѣло по каналу проѣзжалъ ребенокъ или женщина, или старикъ, всѣ легко дѣйствовали шестомъ, упираясь имъ въ илистое дно, чтобы двигать по мертвымъ водамъ барку, похожую на башмакъ.

По ближайшимъ каналамъ скользили другія лодки, невидимыя за возвышенностями, а надъ кустарникомъ виднѣлись фигуры лодочниковъ съ неподвижными шестами, подвигавшихъ барки сильными руками.

Порою пассажиры почтовой барки видѣли, какъ въ возвышенномъ берегу открывалась широкая брешь, чрезъ которую протекали волны канала безшумно и незамѣтно, объятые сномъ подъ навѣсомъ склизкой пловучей зелени. Въ этихъ входахъ висѣли на колышкахъ сѣти

для ловли угрей. При приближеніи барки, съ рисовыхъ полей выпрыгивали огромныя крысы, исчезая въ илѣ каналовъ.

Тѣ, кто раньше при видѣ птицъ озера преисполнились охотничьяго энтузіазма, почувствовали, какъ при видѣ крысъ въ нихъ пробуждается ярость. Вотъ кого бы подстрѣлить! Былъ бы великолѣпный ужинъ!

Люди изъ окрестностей отплевывались съ чувствомъ отвращенія, среди смѣха и протестовъ жителей Альбуферы. Крысы чрезвычайны вкусны! Какъ они могутъ знать, разъ никогда не пробовали ихъ! Болотныя крысы ѣдятъ только рисъ. Это царское блюдо! Ихъ можно видѣть на рынкѣ въ Суекѣ, со снятой шкурой, повѣшенныхъ дюжинами за длинные хвосты въ лавкахъ мясниковъ. Ихъ покупаютъ богачи. Аристократія населенія Риберы не ѣстъ ничего другого. И *Сахаръ* считая себя обязаннымъ въ качествѣ богача сказать свое слово, пересталъ стонать и серьезнымъ тономъ заявилъ, что знаетъ только два вида животныхъ безъ желчи: голубей и крысъ. Этимъ все было сказано.

Бесѣда становилась оживленнѣе. Выраженное чужестранцами отвращеніе возбудило въ жителяхъ Альбуферы настойчивость. Физическое вырожденіе обитателей озера, нищета народа, лишеннаго мясной пищи, знавшаго только тотъ скотъ, который пасся вдали въ Деесѣ, всю жизнь довольствующагося угрями и рыбой, вылились наружу въ формѣ хвастовства, съ явнымъ желаніемъ ошеломить чужестранцевъ выносливостью своихъ желудковъ. Женщины превозносили вкусъ крысъ приготовленныхъ съ рисомъ. Многіе ѣли это блюдо не зная, что это такое, и были въ восторгѣ, словно съѣли невѣдомое мясо. Другіе вспоминали блюдо изъ змѣй, расхваливая ихъ бѣлое, сладкое мясо, болѣе вкусное, нежели угорь. Даже одноухій перевозчикъ нарушилъ безмолвіе, которое хранилъ въ теченіи всего переѣзда, чтобы вспомнить о кошкѣ, которую съѣлъ съ товарищами въ трактирѣ *Сахара*: она была приготовлена однимъ морякомъ, который, объѣздивъ весь свѣтъ, умѣлъ прекрасно готовить подобныя блюда.

Спускалась ночь. Поля темнѣли. При слабомъ свѣтѣ сумерокъ каналъ отливалъ цвѣтомъ олова. Въ глубинѣ воды сверкали первыя звѣзды, дрожа, когда по нимъ проходила барка.

Подѣзжали къ Салеру. Надъ крышами хижинъ поднималея между двумя колоннами колоколь дома Демапа, гдѣ сходились охотники и рыбаки вечеромъ наканунѣ охоты, чтобы выбрать мѣста. У дома виднѣлся огромный дилижансъ, который долженъ былъ доставить къ городу пассажировъ почтовой барки.

Вѣтеръ затихъ, парусъ вяло висѣлъ вдоль мачты и одноухій дѣйствовалъ теперь шестомъ, упираясь въ берега, чтобы подталкивать барку.

По направленію къ озеру ѣхала небольшая лодка, нагруженная землей. На носу стояла дѣвочка, ловко дѣйствуя весломъ, а на другомъ концѣ ей помогать юноша въ большой панамѣ.

Всѣ знали ихъ. Это были дѣти дядюшки Тони, привозившія землю для его поля: *Подки-дыишъ*, неутомимая работница, стоившая многихъ мужчинъ, и Тонетъ, прозванный *Кубицемъ*, внукъ дядюшки *Голубя*, первый красавецъ Альбуферы, человекъ много выдавшій и имѣвшій, что рассказать.

— До свиданья, Усы! — кричали ему фамиллярно.

Ему дали эту кличку въ виду усовъ, осѣнявшихъ его мавританское лицо, украшеніе необычное въ Альбуферы, гдѣ мужчины всѣ брились. Другіе спрашивали его съ ироническимъ испугомъ, съ какихъ поръ онъ сталъ работать. Лодка удалась, при чемъ Тонетъ, бросившій быстрый взглядъ на пассажировъ, казалось, и не слышалъ этихъ остротъ.

Нѣкоторые дерзко посматривали на трактирщика, позволяя себѣ тѣ же грубыя шутки, которыя были въ ходу въ трактирѣ. Охъ, дядюшка Пако! Онъ ѣдетъ въ Валенсію, а Тонетъ проведетъ ночь въ Пальмарѣ!

Трактирщикъ сначала дѣлалъ видъ, будто не слышитъ, потомъ, не въ силахъ больше терпѣть, нервно выпрямился и въ глазахъ его засверкала искра гнѣва. Но жирная масса тѣла, каза-

лось, была сильнѣе его воли и онъ съежился на скамейкѣ, точно пришибленный сдѣланнымъ усиленіемъ, еще разъ скорбно застоналъ и забормоталъ:

– Безстыдники!.. Безстыдники!

II

Хижина дядюшки *Голубя* стояла на одной из окраин Пальмара. Большой пожар расдѣлил мѣстечко на двѣ части и измѣнил его внѣшность. Половина Пальмара погибла въ огнѣ. Соломенные хижины быстро превратились въ пепелъ и ихъ хозяева, желая впредь не опасаться огня, выстроили каменные зданія, причемъ многіе закладывали свои жалкіе пожитки, чтобы купить матеріаль, дорого стоившій благодаря перевозкѣ по озеру. Та часть мѣстечка, которая пострадала отъ пожара покрылась домиками съ фасадами, окрашенными въ розовую, зеленую или голубую краску. Остальная часть сохраняла свой прежній видъ съ ея крышами круглыми съ двухъ сторонъ, походившими на опрокинутыя барки, положенныя на глиняныя стѣны.

Отъ церковной площадки и до самага конца мѣстечка, по направленію къ Деесѣ, растянулись безпорядочно разсѣянныя хижины, отдѣленныя другъ отъ друга изъ опасенія пожара.

Хата дядюшки *Голубя* была самая старая. Ее построилъ еще его отецъ въ ту пору, когда въ окрестностяхъ Альбуферы трудно было найти человѣка, который не страдалъ бы лихорадкой.

Кустарникъ доходилъ тогда до самыхъ стѣнъ хижины. Куры исчезали по словамъ *Голубя* въ немъ прямо изъ двери, и когда они по прошествіи нѣсколькихъ недѣль снова появлялись, ихъ сопровождала цѣлая свита только что вылупившихся цыплятъ. Еще въ каналахъ охотились за выдрами и населеніе было такъ рѣдко, что рыбаки не знали, что дѣлать съ уловомъ, попадавшимъ въ сѣти. Валенсія находилась для нихъ на томъ краю свѣта и оттуда появлялся лишь маршалъ Сюше, назначенный королемъ Хосе герцогомъ Альбуферы и господиномъ озера и лѣса со всѣми ихъ богатствами.

Его образъ былъ самымъ отдаленнымъ воспоминаніемъ *Голубя*. Старикъ все еще видѣлъ его, какъ онъ стоитъ передъ нимъ съ спутанными волосами и большими бакенбардами, въ сѣромъ рединготѣ и круглой шляпѣ, окруженный людьми въ великолѣпныхъ мундирахъ, которые заряжали ему ружья. Маршалъ охотился въ баркѣ отца дядюшки Гояубя и мальчуганъ, прикурнувшій на носу, разсматривалъ его съ восхищеніемъ. Часто онъ смѣялся надъ страннымъ говоромъ маршала, который жаловался на отсталость страны или рассказывалъ объ успѣхахъ войны противъ испанцевъ и англичанъ, о которой обитатели озера имѣли лишь смутныя извѣстія.

Однажды онъ былъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Валенсіи, чтобы поднести герцогу Альбуферы необыкновенной величины угря и маршалъ принялъ ихъ смѣясь, въ великолѣпномъ расшитомъ золотомъ мундирѣ, среди офицеровъ, казавшихся спутниками, получавшими отъ него свой блескъ.

Когда дядюшка *Голубь* возмужалъ и умеръ его отецъ, когда онъ увидѣлъ себя собственникомъ хижины и двухъ барокъ, уже не существовало больше альбуферскихъ герцоговъ, и только чиновники, управлявшіе мѣстностью именемъ короля, своего господина, превосходные сеньоры изъ города, никогда не заглядывавшіе на озеро, предоставляя рыбакамъ мародерствовать въ Деесѣ и свободно охотиться на птицъ, живщихъ въ тростникахъ.

То было хорошее время и когда дядюшка *Голубь* вспоминалъ о немъ, своимъ старческимъ голосомъ, въ обществѣ, собравшемся въ трактирѣ *Сахара* молодежь приходила въ восторгъ. Можно было заодно и охотиться и ловить рыбу, нисколько не боясь стражниковъ и штрафовъ! Съ приближеніемъ ночи люди тогда возвращались домой съ дюжинами кроликовъ, пойманныхъ съ помощью хорька въ Деесѣ, и сверхъ того съ корзинами полными рыбой и связкой птицъ, застрѣленныхъ въ камышахъ. Все принадлежало королю, а король былъ далеко! Тогда было не такъ, какъ теперь, когда Альбуфера принадлежитъ Государству (что это за человѣкъ, интересно знать!), когда существовали монополисты охоты и арендаторы Деесы и бѣдныя не могли ни выстрѣлить, ни собрать охапку дровъ, чтобы въ тотъ же моментъ не являлся

стражникъ съ значкомъ на груди, грозясь выстрѣлить. Дядюшка *Голубъ* унаслѣдовалъ отъ отца его прдвильегіи. Онъ былъ первымъ рыбакомъ озера и если въ Альбуферу пріѣзжало важное лицо, то именно онъ возилъ его по тростниковымъ островкамъ, показывая достопримѣчательности земли и воды. Вспоминалась ему молодая Исабель II, занимавшая своими широкими юбками всю корму украшенной барки; при каждомъ толчкѣ весла колебался ея красивый дѣвичій бюстъ. А люди смѣялись, вспоминая о его путешествіи по озеру съ императрицей Евгеніей. Она стояла на носу барки, стройная, въ амазонкѣ, съ ружьемъ въ рукѣ, подстрѣливая птицъ, которыхъ ловкіе гончики стаями выгоняли изъ тростника криками и палками. А на противоположномъ концѣ сидѣлъ дядюшка *Голубъ* плутоватый, насмѣшливый, съ старымъ ружьемъ между ногами, убивалъ птицъ, уходившихъ отъ важной дамы, на ломаномъ кастильянскомъ нарѣчьи указывая ей на появленіе *зеленыхъ шеекъ*: «Ваше величество, – сзади васъ *зеленая шейка!*»

Всѣ важныя особы оставались довольны старымъ рыбакомъ. Онъ былъ, правда, дерзокъ, грубъ, какъ истый сынъ лагуны. Если онъ не умѣлъ льстить на словахъ, то тѣмъ лучше умѣлъ онъ это дѣлать ружьемъ, почтеннымъ, и такъ часто исправленнымъ, что трудно было сказать, какимъ оно было прежде. Дядюшка *Голубъ* былъ удивительный стрѣлокъ. Мѣстные анекдотисты ввали на его счетъ, утверждая напр., что однажды онъ однимъ выстрѣломъ убилъ четырехъ лисухъ. Желая сдѣлать удовольствіе важной особѣ, посредственному стрѣлку, онъ становился сзади него въ баркѣ и выпускалъ зарядъ въ одно время съ нимъ съ такой точностью, что оба выстрѣла сливались, и охотникъ, при видѣ падавшей птицы приходилъ въ восторгъ отъ своей ловкости, тогда какъ рыбакъ за его спиной насмѣшливо улыбался. Лучшимъ его воспоминаніемъ былъ генераль Примъ. Онъ познакомился съ нимъ однажды бурной ночью, перевоза его на своей баркѣ черезъ озеро. Время было печальное. Кругомъ рыскала погоня. Генераль, переодѣтый рабочимъ, бѣжалъ изъ Валенсіи, послѣ неудачной попытки поднять гарнизонъ. Дядюшка *Голубъ* проводилъ его до самага моря и когда онъ его снова увидѣлъ много лѣтъ спустя, тотъ былъ уже главой правительства и идиоломъ націи. Ради отдыха отъ политики онъ иногда убѣгалъ изъ Мадрида, чтобы поохотиться на озерѣ, и дядюшка *Голубъ*, ставшій послѣ того приключенія болѣе смѣлымъ и фамиллярнымъ, бранилъ его, какъ мальчика, каждый разъ, когда генераль промахивался. Онъ совершенно не признавалъ великихъ людей: люди дѣлились въ его глазахъ на хорошихъ и плохихъ охотниковъ. Когда герой стрѣлялъ и не попадалъ въ цѣль, рыбакъ приходилъ въ такую ярость, что обращался съ нимъ на ты. «Генераль... промаховъ! И это тотъ герой, который совершилъ столько подвиговъ, тамъ въ Мароко? Смотри и учись!» И въ то время, когда славный ученикъ смѣялся, рыбакъ, почти не цѣлясь, выпускалъ зарядъ и въ воду падала, какъ мячъ, лисуха.

Всѣ подобные анекдоты придавали дядюшкѣ *Голубю* огромный престижъ въ глазахъ населенія озера. Ему стоило бы только открыть ротъ, чтобы попросить чего-нибудь у своихъ покровителей!.. Но онъ вѣчно замкнутъ и несговорчивъ, обращается съ важными людьми, какъ съ собутельниками, заставляя ихъ смѣяться надъ его грубостями въ моменты нерасположенія или надъ его хитроумными фразами на двухъ языкахъ, когда онъ хотѣлъ быть любезнымъ.

Онъ былъ доволенъ своей жизнью, хотя съ годами она становилась все тяжелѣе. Рыбакъ, вѣчный рыбакъ! Онъ презиралъ людей, обрабатывавшихъ рисовыя поля. Они были *мужиками*, и въ его устахъ это слово звучало самой худшей бранью.

Онъ гордился тѣмъ, что былъ человѣкомъ воды и часто предпочиталъ слѣдовать по извилистымъ каналамъ вмѣсто того, чтобы сократить путь, идя по берегу. Онъ не признавалъ никакой другой твердой земли, кромѣ Деесы, гдѣ онъ иногда охотился за кроликами, обращаясь въ бѣгство при приближеніи сторожей и съ удовольствіемъ ѣлъ и спалъ бы въ баркѣ, которая была для него тѣмъ же, чѣмъ раковина для обитателей воды.

Въ старикѣ вновь ожили инстинкты первобытныхъ расъ, жившихъ на водѣ.

Для полного счастья ему не нужно было семейной ласки, хотѣлось жить, какъ живеть рыба въ озерѣ или птица въ тростникѣ, которая сегодня вьетъ свое гнѣздо на островкѣ, а завтра въ камышахъ. Отецъ рѣшилъ его женить. Онъ не хотѣлъ видѣть, какъ запустѣетъ хижина, дѣло его рукъ, и водяной бродяга былъ теперь вынужденъ жить въ сообществѣ съ себѣ подобными, спать подъ соломенной крышей, платить священнику и слушаться старосты острова, – мошенника, какъ онъ выражался, который снискивалъ себѣ покровительство господъ изъ города, чтобы не работать.

Образъ жены почти не сохранился въ его памяти. Она прожила рядомъ съ нимъ много лѣтъ, не оставивъ въ немъ никакихъ другихъ воспоминаній, какъ о своемъ умѣнїи чинить сѣти и той бойкости съ которой она по пятницамъ мѣсила тѣсто, въ печи подъ круглой бѣлой крышей, походившей на африканскій муравейникъ, которая стояла на самомъ концѣ острова.

У нихъ было много, очень много дѣтей... За исключеніемъ одного они всѣ къ счастью умерли. Это были блѣдныя, болѣзненные существа, порожденные съ гнетущей мыслью о пропитанїи, родителями, сходящимися только для того, чтобы согрѣть другъ друга, дрожавшихъ отъ болотной лихорадки. Казалось, они рождались съ перемежающейся лихорадкой вмѣсто крови въ жилахъ. Одни умерли отъ истощенія, питаясь одной только рыбой, водящейся въ прѣсной водѣ, другіе утонули въ каналахъ около дома. Выжилъ только одинъ, младшій, который цѣплялся за жизнь съ безумнымъ страхомъ, не поддаваясь лихорадкѣ и выжимая изъ истощенной груди матери ту скудную пищу, которую ему могло дать ея вѣчно больное тѣло.

Дядюшка *Голубь* переносилъ эти несчастья, какъ нѣчто логическое и неизбѣжное. Надо благодарить Бога, который заботится о бѣдныхъ! Просто нестерпимо видѣть, какъ разростаются бѣдныя семейства и если бы не милость Господа, который время отъ времени убиралъ эту проклятую дѣтвору со свѣту, въ озерѣ не осталось бы пищи для всѣхъ и они пожрали бы другъ друга!..

Жена *Голубя* умерла, когда послѣдній, уже пожилой, былъ отцомъ семилѣтняго ребенка. Рыбакъ остался одинъ въ хижинѣ съ сыномъ Тони. Мальчикъ былъ не глупъ и такой же хороший работникъ, какъ его мать. Стряпаль обѣдъ, исправлялъ изъязны хижины и учился у соседей, чтобы отецъ не чувствовалъ отсутствія въ домѣ женщины. Все онъ дѣлалъ съ серьезнымъ видомъ, какъ будто страшная борьба за существованіе оставила на его лицѣ неизгладимый отпечатокъ грусти. Отецъ былъ счастливъ, когда шелъ къ баркѣ въ сопровожденїи мальчугана, почти невидимаго подъ грудой сѣтей. Онъ росъ очень быстро, становился все сильнѣе и дядюшка *Голубь* съ гордостью смотрѣлъ, съ какой ловкостью онъ вынималъ изъ воды сѣти или управлялъ баркой по озеру.

– Онъ самый настоящій мужчина во всей Альбуферѣ – говорилъ онъ друзьямъ. Тѣло его окрѣпло теперь послѣ болѣзней, которыми оно страдало въ дѣтствѣ.

Женщины Пальмара также не могли нахвалиться его добрымъ нравомъ. Никогда никакихъ безумствъ съ молодежью, собиравшейся въ трактирѣ, никакихъ забавъ съ нѣкоторыми пропащими головами, которыя послѣ рыбной ловли растягивались на животѣ въ камышахъ, позади какой-нибудь хаты и проводили цѣлые часы съ засаленными картами въ рукахъ. Всегда серьезный и трудолюбивый, Тони никогда не давалъ отцу малѣйшаго повода быть недовольнымъ. Дядюшка *Голубь*, не любившій ловить рыбу въ компанїи, такъ какъ приходилъ въ ярость при малѣйшемъ промахѣ и былъ готовъ побить товарища, никогда не бранилъ сына и когда въ минуты нерасположенія сердито пыхтя хотѣлъ дать ему приказаніе, мальчикъ, догадываясь, въ чемъ дѣло, уже бѣжалъ исполнять его.

Когда Тони возмужалъ, отецъ его, любитель бродячей жизни, неспособный привыкнуть къ семейному очагу, испытывалъ тѣ же наотроенія, что и прежде. Что дѣлать имъ однимъ въ одинокой ветхой лачугѣ? Ему было непрїятно видѣть, какъ сынъ, широкоплечій и крѣпкій мужчина, сгибается передъ очагомъ въ серединѣ хижины, раздувая огонь и приготовляя ужинъ. Часто испытывалъ онъ угрызенія совѣсти при видѣ того, какъ его короткія, обросшія

волосами руки съ желѣзными пальцами мыли кастрюли для очищали ножомъ рыбу отъ твердой чешуи, отливавшей металлическимъ отблескомъ.

Въ зимнія ночи они оба казались потерпѣвшими кораблекрушеніе, спасшимися на одинокій островъ. Не было слышно ни одного слова, ни одного взрыва смѣха, не было слышно женскаго голоса, который развеселилъ бы ихъ. Хижина имѣла мрачный видъ. Посрединѣ горѣлъ очагъ вровень съ поломъ, небольшое четырехугольное пространство, окаймленное камнями. Напротивъ – кухонный столъ съ небольшимъ количествомъ глиняной и старой фарфоровой посуды. По обѣ стороны каморка изъ тростника и ила, какъ и вся хата, а надъ каморками, которыя были не выше роста человѣка, внутренность темной крыши съ слоемъ копоты, накопившейся съ годами, безъ всякаго другого дымоотвода, кромѣ отверстія въ соломенной крышѣ, черезъ которое со свистомъ проходилъ зимній юго – западный вѣтеръ. Съ потолка свисали непромокаемая одежды для ночной рыбной ловли, тяжелые твердые штаны, куртки изъ грубой, желтой и блестящей отъ масла матеріи, сквозь рукава которыхъ была продѣта палка. Проникая сквозь отверстіе, служившее печной трубой, вѣтеръ шевелилъ эти странные куклы, отражавшія на своей грязной поверхности красный свѣтъ очага. Казалось обитатели хижины повѣсилились на потолкѣ.

Дядюшка *Голубъ* скучалъ. Онъ любилъ поговорить. Въ трактирѣ онъ ругался во всю, издѣвался надъ другими рыбаками, поражалъ ихъ воспоминаніями о важныхъ лицахъ, которыхъ зналъ, а дома онъ не находилъ, что сказать. Его бесѣда не вызывала ни малѣйшей реплики со стороны послушнаго и молчаливаго сына и слова его терялись среди подавляющаго благоговѣйнаго безмолвія. Въ трактирѣ онъ толковалъ объ этомъ со свойственной ему веселой грубостью. Сынъ – человѣкъ очень хорошій, но не похожъ на него. Всегда молчаливъ и покоренъ. По всѣмъ вѣроятіямъ покойница его обманула. Однажды онъ обратился къ Тони съ властнымъ приказаніемъ древнеримскаго отца, считающаго своихъ сыновей лишенными воли и самолично распоряжающагося ихъ будущностью и жизнью. Онъ долженъ жениться. Такъ дѣло не клеится. Въ домѣ не достаетъ женщины. И Тони выслушалъ приказъ, какъ будто ему было сказано приготовить къ завтрашнему дню большую барку, чтобы въ Салерѣ взять охотника изъ Валенсіи. Хорошо. Онъ постарается какъ можно скорѣе исполнить приказаніе отца.

И между тѣмъ, какъ юноша искалъ себѣ неvěсту на собственный рискъ и страхъ, старый рыбакъ сообщалъ о своемъ планѣ всѣмъ кумушкамъ Пальмара. Его Тони хочетъ жениться. Все его имущество принадлежитъ сынку: хижина, большая барка съ новымъ парусомъ и другая, хотя и постарше, да пожалуй еще лучше, двѣ лодки, сѣтей и не запомнить сколько, а потомъ сверхъ того пусть онѣ обратятъ вниманіе на характеръ и положеніе парня, работающаго, серьезнаго, безъ порочныхъ наклонностей, свободнаго отъ воинской повинности, такъ какъ вынулъ хорошій жребій. Словомъ: партія, хотя и не блестящая, но его Тони и не голышъ, не какая-нибудь жаба изъ каналовъ. Да еще для дѣвицъ изъ Пальмара!

Старикъ, презиравшій женщинъ, плевался при видѣ дѣвушекъ, среди которыхъ скрывалась его будущая сноха. Нѣтъ, не велика штука эти дѣвушки съ озера, съ ихъ платьями, мытыми въ гнилой водѣ каналовъ, съ запахомъ ила и руками, пропитанными, казалось, липкостью до самыхъ костей. Подъ выжженными солнцемъ волосами, блѣдными и рѣдкими, едва обозначались ихъ худыя красноватыя лица, на которыхъ глаза горѣли огнемъ лихорадки, никогда не проходившей благодаря употребленію воды изъ озера. Ихъ заостренный профиль, узкое, липкое тѣло и отвратительный запахъ юбокъ – все дѣлало ихъ похожими на угрей, словно однообразное питаніе многихъ поколѣній наложило на нихъ отпечатокъ той рыбы, которой они питались.

Тони остановилъ свой выборъ на одной, на той, которая менѣе другихъ затрудняла его робость. Отпраздновали свадьбу и старикъ имѣлъ въ хатѣ лишнее существо, съ которымъ могъ говорить и которое могъ ругать. Онъ испытывалъ даже нѣкоторое удовлетвореніе, замѣтивъ,

что его слова уже не падаютъ въ пустое пространство и что сноха отвѣчаетъ протестомъ на его придирки, когда онъ не въ духѣ.

Удовольствіе старика было однако нарушено одной непріятностью. Казалось, сынъ его забываетъ семейныя традиціи. Онъ сталъ пренебрегать озеромъ, чтобы искать себѣ пропитаніе въ поляхъ, и въ сентябрѣ, когда жали рисъ и рабочій день оплачивался дорого, онъ покидалъ барку, становясь жнецомъ, какъ многіе другіе, возбуждавшіе негодованіе дядюшки *Голубя*. Подобная работа среди ила, такое жестокое обращеніе съ полями, было по его мнѣнію дѣломъ чужестранцевъ, тѣхъ, что жили далеко отъ Альбуферы. Дѣти озера были свободны отъ подобнаго рабства. Не даромъ же Богъ поселилъ ихъ около воды, которая была истинной благодатью. Въ ея глубинѣ покоилась пища для нихъ! Глупости и срамъ работать цѣлый день по самый поясъ въ грязи, съ ногами, искусанными пьявками, и спиной, сожженной солнцемъ, чтобы сжать нѣсколько колосьевъ, къ тому же не имъ принадлежащихъ. Ужели его сынъ хочетъ стать *мужикомъ*? И, ставя этотъ вопросъ, старикъ вкладывалъ въ него весь ужасъ, безпредѣльную странность неслыханнаго поступка, какъ будто рѣчь шла о томъ, что въ одинъ прекрасный день высохнутъ вся Альбуфера.

Въ первый разъ въ жизни Тони осмѣлился противорѣчить отцу. Весь остальной годъ онъ будетъ ловить рыбу, какъ всегда. Но теперь онъ женатъ, хозяйство требуетъ все большаго вниманія и было бы неблагоразумно отказываться отъ высокой заработной платы въ дни жатвы. Ему платили больше чѣмъ другимъ, въ виду его силы и прилежанія. Надо приспособляться къ временамъ. Съ каждымъ годомъ сѣютъ все больше риса по берегамъ озера, старыя болота засыпаются землей, бѣдняки богатѣютъ и онъ не такъ глупъ, чтобы лишиться своей части въ новой жизни! Рыбакъ ворчалъ на эти уклоненія отъ старыхъ домашнихъ обычаевъ. Благодаруміе и серьезность сына вызывали въ немъ чувство уваженія, но разговаривая съ друзьями рыбаками добраго стараго времени на берегу канала, опершись на весло, онъ изливалъ свое неудовольствіе! Они хотятъ передѣлать Альбуферу! Еще нѣскольво лѣтъ и никто ее не узнаетъ. По направленію къ Суекъ воздвигаютъ какія-то желѣзныя неуклюжія сооруженія, какіе-то дома съ большими печами – вонъ видите, какой дымъ! Старыя спокойныя и симпатичныя норіи съ ихъ изъѣденными червями деревянными колесами и черными бадьями уступаютъ мѣсто адскимъ машинамъ, которыя будутъ двигать воду съ шумомъ тысячи демоновъ. Будетъ чудомъ, если вся рыба, раздосадованная подобными новшествами, не уйдетъ въ море! Хотятъ все озеро вспахать, все больше и больше земли бросаютъ въ него. Мало осталось ему жить, но онъ еще увидитъ, какъ за недостаткомъ мѣста послѣдній угоръ исчезнетъ въ море, направляясь къ устью Перелльо. А Тони весь отдался этому разбойничьему дѣлу! Онъ, старикъ, увидитъ, какъ его сынъ, изъ рода *Голубей*, превратится въ *мужика*. И старикъ смѣялся, точно представлялъ себѣ неосуществимое дѣло!

Время шло и сноха подарила ему внука, Тонета. Дѣдушка часто по вечерамъ носилъ его на рукахъ до берега канала, сунувъ трубку въ уголь беззубаго рта, чтобы дымъ не тревожилъ ребенка! Ну ужъ и красавецъ – малышъ! Худая, некрасивая невѣстка была какъ всѣ женщины семьи, какъ и его покойная жена. Онѣ рожали дѣтей совершенно не похожихъ на родителей. Лаская младенца, дѣдъ думалъ о будущемъ. Показывая его товарищамъ дѣтства, ряды которыхъ все рѣдѣли, онъ пророчествовалъ:

– Вотъ кто пойдетъ въ нашъ родъ! У него не будетъ иного дома, кромѣ барки. Еще прежде, чѣмъ у него прорѣжутся всѣ зубы, онъ будетъ управлять весломъ!

Однако еще не прорѣзались у ребенка зубы, какъ произошло событіе, которое дѣдушка *Голубь* считалъ самымъ невозможнымъ на свѣтѣ. Въ трактирѣ ему сказали, что Тони заарендовалъ около Салера какія-то рисовыя поля, принадлежащія одной дамѣ изъ Валенсіи и когда онъ къ ночи поднялъ объ этомъ разговоръ, онъ былъ ошеломленъ, такъ какъ сынъ не скрывалъ своего преступленія.

Когда это было видно, что у кого-нибудь изъ ихъ рода былъ хозяинъ? Семья ихъ всегда была свободна, какъ свободными должны быть всѣ божьи дѣти, уважающія себя хоть немного и снискивающія себѣ пропитаніе, охотясь или занимаясь рыбной ловлей. Ихъ господами былъ король или тотъ воинъ изъ Франціи, который былъ главнымъ капитаномъ въ Валенсіи. Эти господа, жившіе далеко, не шли въ счетъ и ихъ можно было терпѣть въ виду ихъ величія. Но чтобы его сынъ сдѣлался арендаторомъ какой-то франтихи изъ города, чтобы онъ отдавалъ ей часть своей работы звонкой монетой! Глупости! Надо пойти поговорить съ сеньорой и уничтожить договоръ! Ихъ родъ никому не служилъ и не будетъ служить, пока въ озерѣ есть еще чѣмъ питаться, хотя бы то были лягушки...

Удивленіе старика еще возросло, когда онъ натолкнулся на неожиданное упорство Тони. Тони достаточно обдумалъ планъ и не раскаивается въ немъ. Онъ думалъ о женѣ, о маленькомъ сынѣ, котораго держалъ на рукахъ, и чувствовалъ приливъ честолюбивыхъ замысловъ. Что они такое? Нищіе озера, жившіе, какъ дикари, въ хатѣ, питаюсь только рыбой и убѣгая, какъ преступники, передъ сторожами, когда убивали птицу, чтобы пополнить котелокъ чѣмъ-нибудь посущественнѣе. Нахлѣбники охотниковъ, ѣдящіе мясо только тогда, когда чужестранцы позволяютъ имъ воспользоваться ихъ провизіей. И эта нищета переходитъ отъ отца къ сыну, какъ будто они пригвождены къ илу Альбуферы! У нихъ нѣтъ другихъ желаній и ведутъ они ту же жизнь, какъ жабы въ каналахъ, которыя счастливы, когда встрѣтятъ въ водѣ насѣкомыхъ.

Нѣтъ, онъ не хочетъ подчиняться! Онъ желаетъ вырвать семью изъ ея жалкаго состоянія. Онъ желаетъ работать не только для того, чтобы ѣсть, но и для того, чтобы копить. Обработка рисовыхъ полей, дѣло выгодное, работы не много, а прибыль большая. Это настоящая божья благодать! Ничто не даетъ такого дохода! Въ іюнѣ сѣютъ, а въ сентебрѣ собира¹ ютъ жатву. Нужно немножко унавозить землю, есть коекакая другая работа, всего три мѣсяца. Собирается жатва, вода на озерѣ, подъ вліяніемъ зимнихъ дождей, наводняетъ поля, и жди слѣдующаго года!.. Прибыль прячется, а остальные мѣсяцы можно открыто ловить рыбу или тайкомъ охотиться, для поддержанія семьи. Чего еще можно желать! Дѣдъ былъ бѣднякомъ и послѣ цѣлой собачьей жизни ему удалось только построить хату, гдѣ они живутъ среди копоти и дыма! Отцу, котораго онъ такъ уважаетъ, не удалось ничего скопить подъ старость. Пусть предоставятъ ему работать, какъ онъ хочетъ, и его сынъ, его маленький Тонетъ, будетъ богачомъ, будетъ обрабатывать поля, границъ которыхъ не видно, и можетъ быть на мѣстѣ хижины со временемъ подыметъ лучший домъ во всемъ Пальмарѣ. Отецъ не правъ, негодуя на потомство, за то, что оно хочетъ обрабатывать землю. Лучше быть мужикомъ, чѣмъ бродить по озеру, часто испытывая голодъ и рискуя получить пулю изъ ружья стражника Деесы.

Дядюшка *Голубь*, поблѣднѣвшій отъ бѣшенства, слушая доводы сына, пристально глядѣлъ на весло, лежавшее вдоль стѣны, и руки его невольно, тянулись къ нему, чтобы однимъ ударомъ разможжить сыну черепъ. Въ былое время онъ поступилъ бы такъ, считая себя на это вправѣ послѣ такого покушенія на его власть патріарха – отца.

Но онъ посмотрѣлъ на сноху съ младенцемъ на рукахъ, и, казалось, оба эти существа увеличивали значеніе сына, поднимая его до его собственного уровня. Сынъ тоже былъ отцомъ, человѣкомъ равноправнымъ. Въ первый разъ отдалъ онъ себѣ отчетъ въ томъ, что Тони уже не былъ тѣмъ мальчикомъ, который стряпалъ когда-то ужинъ, пугливо склоняя голову передъ однимъ его взоромъ. И дрожа отъ гнѣва при мысли, что не можетъ уже побить его, какъ въ былые годы, когда онъ совершалъ въ баркѣ какой-нибудь промахъ, онъ ворча излилъ свой гнѣвъ. Ну хорошо! Каждый пусть будетъ при своемъ. Одинъ пусть ловить рыбу, другой ковыряетъ поле. Жить они будутъ вмѣстѣ, разъ иначе нельзя. Его годы не позволяютъ ему спать посреди озера, подъ старость онъ страдаетъ ревматизмомъ. Но они будутъ жить отдѣльно, словно незнакомы другъ съ другомъ. О если бы воскресъ родоначальникъ, перевозившій Сюше, и увидѣлъ бы позоръ семьи!

Первый годъ былъ для старика сплошнымъ мученіемъ. Входя ночью въ хату, онъ натыкался на земледѣльскія орудія, стоявшія рядомъ съ приспособленіями для рыбной ловли. Однажды онъ спотыкнулся о плугъ, притащенный сыномъ съ поля, чтобы его починить вечеромъ, и онъ произвелъ на него впечатлѣніе чудовишнаго дракона, растянувагося посреди хаты. Всѣ эти стальные предметы возбуждали въ немъ холодъ и бѣшенство. Стоило ему увидѣть, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его сѣтей лежитъ серпъ, чтобы ему сразу показалось, будто кривая металлическая полоска сама зашагаетъ и перерѣжетъ его снасти, и онъ бранилъ невѣстку за небрежность, приказывая унести подальше, какъ можно подальше эти орудія... *мужика*. Всюду предметы, напоминавшіе ему земледѣльскія работы! И это въ хатѣ рода *Голубей*, гдѣ никогда не видно было другой стали, кромѣ кривыхъ ножей для очистки рыбы. Онъ готовъ лопнуть отъ бѣшенства!

Во время поста, когда земля была суха и принимала плугъ, Тони приходилъ домой, обливаясь потомъ, послѣ того, какъ цѣлый день подгонялъ наемныхъ лошадей. Отецъ его ходилъ вокругъ да около него, приюхиваясь къ нему съ чувствомъ злорадства, и бѣжалъ въ трактиръ, гдѣ дремали за чаркой товарищи; добраго стараго времени. Кабальерось, удивительная; новость! Отъ его сына пахнетъ лошадьми! Ха, ха! На островѣ Пальмарѣ – лошади! По истинѣ міръ на изнанку!

Если не считать подобныхъ изліній, дядюшка *Голубь* держалъ себя холодно и замкнуто въ семьѣ сына. Онъ возвращался въ хату ночью, съ сверткомъ сѣтей, въ которыхъ находились пойманные угри и, толкнувъ ее ногой, приказывалъ невѣсткѣ дать ему мѣсто у очага. Онъ самъ готовилъ себѣ ужинъ. Иногда онъ свертывалъ угрей кольцомъ, проткнувъ ихъ деревяшкой, и поджаривалъ терпѣливо со всѣхъ сторонъ, какъ на вертелѣ. Иногда же онъ отыскивалъ въ баркѣ свой старый неоднократно исправленный котелъ и варилъ огромнаго линя, или же мастерилъ луковую похлебку, изъ лука и угрей, какъ будто готовилъ ѣду для половины деревни.

Маленькій худой старикъ отличался той же прожорливостью, какъ и всѣ старики Альбуферы. Какъ слѣдуетъ, онъ ѣлъ только на ночь, вернувшись домой; усѣвшись на полу въ углу, поставивъ котелъ между колѣнами, онъ проводилъ цѣлые часы, не говоря ни слова, работая обѣими челюстями старой козы, поглощая такое огромное количество пищи, которое, казалось, не умѣстится въ человѣческомъ желудкѣ.

Онъ ѣлъ то, что принадлежало ему, то, что добывалъ днемъ, не заботясь о томъ, что ѣли его дѣти, никогда не предлагая имъ часть своей пищи. Пусть каждый существуетъ своимъ трудомъ! Глаза его блестѣли злораднымъ блескомъ, когда видѣли на столѣ семьи, какъ единственную пищу, кастрюлю съ рисомъ, тогда какъ онъ обглаживалъ кости какой-нибудь птицы, подстрѣленной въ тростникахъ, когда сторожа были далеко.

Тони не сопротивлялся отцу. Нечего было также думать подчинить его себѣ. Взаимное отчужденіе продолжалось. Маленькій Тонетъ былъ единственнымъ связующимъ звеномъ между ними. Часто внукъ подходилъ къ дядюшкѣ *Голубю*, привлеченный пріятнымъ залахомъ его котла.

– На, бѣднякъ, на тебѣ! – говорилъ дѣдъ съ нѣжнымъ состраданіемъ, точно видѣлъ его въ самой ужасной нищетѣ.

И онъ угощалъ его ножкой лысухи, жирной и невкусной, и улыбался при видѣ того, какъ малышъ пожиралъ ее.

Когда онъ устраивалъ съ старыми пріятелями пирушку въ трактирѣ, то бралъ съ собой внука, ни слова не говоря родителямъ. Иногда устраивалъ и настоящий праздникъ. Съ утра, почувствовавъ страсть къ приключеніямъ, дядюшка *Голубь* отправлялся съ такимъ же старымъ, какъ онъ, товарищемъ въ лѣсную чащу Деесы. Долго ждутъ они, лежа на животѣ въ кустарникѣ, слѣдя за стражами, не подозрѣвающими о ихъ присутствіи... Какъ только покажутся кролики, прыгая вокругъ кустовъ – пали! пара въ мѣшкѣ и бѣги скорѣе къ баркѣ и смѣйся потомъ на срединѣ озера надъ бѣгающими по берегу стражниками, тщетно разыскивающими

браконьеровъ. Такія смѣлыя вылазки дѣлали дядюшку *Голубя* снова молодымъ. Стоило только послушать его ночью въ трактирѣ, когда онъ готовилъ добычу охоты, какъ онъ хвастался своими подвигами передъ пріятелями, которые платили за вино. Ни одинъ парень не отважится сдѣлать это! И когда благорааумные говорили ему о законѣ и карахъ, рыбакъ гордо выпрямлялъ свой станъ, согнувшійся подъ тяжестью лѣтъ и постоянной работы весломъ. Сторожа – это просто бродяги, исполняющіе свою службу, потому что не хотятъ работать, а сеньоры, арендовавшіе мѣсто для охоты, не болѣе какъ разбойники, желающіе все имѣть для себя. Альбуфера принадлежитъ ему и всѣмъ рыбакамъ! Если бы они родились во дворцѣ, они были бы королями. Разъ Богъ велѣлъ имъ родиться здѣсь, то конечно ради чего-нибудь. Все прочее ложь, придуманная людьми!

И покончивъ съ ужиномъ, когда въ кружкахъ уже почти не оставалось вина, дядюшка *Голубь* глядѣлъ на заснувшего на его колѣняхъ внука и показывалъ его пріятелямъ. Этотъ малецъ станетъ настоящимъ сыномъ Альбуферы! Дѣдъ самъ его воспитаетъ, чтобы онъ не пошелъ по ложному пути отца. Мальчикъ научится обращаться съ ружьемъ съ изумительной ловкостью, будетъ знать дно озера, какъ угорь, и когда умретъ дѣдъ, всѣ пріѣзжающіе сюда охотники встрѣтятъ барку другого *Голубя*, только болѣе молодого, какимъ онъ былъ самъ, когда королева сѣла въ его лодку, смѣясь надъ его выходками и шутками.

За исключеніемъ этихъ моментовъ нѣжности рыбакъ продолжать питать къ сыну скрытую неприязнь. Онъ и видѣть не хотѣлъ презрѣнную землю, которую обрабатывалъ сынъ, но онъ не забывалъ о ней и смѣялся съ дьявольской радостью, узнавая, что дѣла сына идутъ плохо. Въ первый годъ какъ разъ, когда рисъ колосился, земля его пропиталась селитрой и почти весь урожай погибъ. Дядюшка *Голубь* съ удовольствіемъ рассказывалъ всѣмъ объ этомъ несчастіи. Однако замѣтивъ, что семья сына охвачена печалью и находится въ стѣсненномъ положеніи вслѣдствіи бесполезныхъ затратъ, онъ ощутилъ къ нему болѣе мягкое чувство и даже нарушилъ свое безмолвіе, чтобы помочь совѣтомъ. Ужели онъ и теперь не убѣдился, что онъ житель воды, а не мужикъ? Пусть онъ оставитъ поля окрестнымъ людямъ, изстари занимавшимся тѣмъ, что истощали ихъ. Онъ – сынъ рыбаковъ и обязанъ вернуться къ сѣтямъ!

Тони въ отвѣтъ ворчалъ не въ духѣ, заявляя о своемъ намѣреніи продолжать дѣло и старикъ снова погрузился въ свою безмолвную ненависть. Ахъ, упрямецъ! И онъ желалъ, чтобы на землю сына обрушились всяческія невзгоды, какъ единственное средство сломать его гордое упрямство. Дома онъ ни о чемъ не спрашивалъ, но когда его лодка встрѣчалась на озерѣ съ большими баркасами, шедшими изъ Салера, онъ освѣдомлялся о ходѣ жатвы и испытывалъ нѣкоторое чувство удовольствія, когда ему объявляли, что годъ будетъ плохой. Его упрямый сынъ умретъ голодной смертью! Чтобы имѣть кусокъ хлѣба, онъ долженъ будетъ на колѣняхъ просить ключъ отъ стараго садка, съ разрушеннымъ соломеннымъ навѣсомъ, который у нихъ былъ около Пальмара!

Бури конца лѣта наполняли его радостью. Онъ желалъ, чтобы разверзлись всѣ небесныя хляби, чтобы изъ береговъ выступила рѣчка, впадавшая въ Альбуферу, питая ее; чтобы воды озера ринулись на поля, какъ это иногда бывало, затопляя созрѣвшія для жатвы колосья. Мужики помрутъ съ голода, тогда какъ у него будетъ достаточный уловъ, и онъ получитъ удовольствіе увидѣть, какъ сынъ будетъ кусать себѣ локти и молить о помощи.

Къ счастью для Тони, злобныя пожеланія старика не исполнились. Подошли хорошіе года. Въ хатѣ царило нѣкоторое благосостояніе, ѣды было вдоволь и храбрый труженикъ уже мечталъ, какъ о неосуществимомъ счастьи, о возможности въ одинъ прекрасный день обрабатывать свою собственную землю, о томъ, что онъ не долженъ будетъ разъ въ году отправляться въ городъ, чтобы отдать почти весь продуктъ урожая.

Въ жизни семьи случилось одно событіе. Тонетъ вырасталъ, а мать его грустила. Мальчуганъ уже отправлялся съ дѣдушкой на озеро; когда онъ станетъ побольше, онъ будетъ сопровождать отца въ поле и бѣдная женщина останется въ хатѣ одна.

Она думала о своемъ будущемъ и грядущее одиночество наполняло ее страхомъ. О если бы у нея были еще дѣти! Съ наибольшимъ жаромъ просила она у неба дочки. А дочь не являлась, не могла явиться, какъ утверждалъ дѣдушка *Голубь*. Виною была сама сноха. Дѣло женское! Во время родовъ ей плохо помогали сосѣдки изъ Пальмара. Поэтому она всегда была больной и блѣдной, цвѣта бумаги, была не въ силахъ долго безъ боли стоять на ногахъ, а иногда съ трудомъ волочила; ноги, со стонами, которые подавляла со слезами на глазахъ, чтобы не встревожить своихъ.

Тони страстно желалъ исполнить желаніе жены. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы имѣть дѣвочку въ домѣ. Она была бы въ помощь больной. И вотъ они поѣхали вдвоемъ въ городъ и привезли оттуда шестилѣтнюю дѣвочку, робкаго, дикаго и некрасиваго звѣрка, котораго взяли изъ воспитательнаго дома. Звали ее Висантетой... Однако, чтобы она не забыла о своемъ происхожденіи, ее называли со свойственной невѣжественному люду безсознательной жестокостью *Подкидьшемъ*.

Рыбакъ возмущенно ворчалъ. Еще лишній ротъ! Маленькій Тонетъ, наоборотъ – ему было десять лѣтъ – встрѣтилъ маленькую дѣвочку очень радостно, такъ какъ могъ мучить ее своими капризами и придирками единственнаго избалованнаго сына.

Изъ всѣхъ обитателей хаты къ *Подкидьшцу* относилась ласково только больная женщина, съ каждымъ днемъ все болѣе слабѣвшая и страдавшая. Несчастная искусственно создавала себѣ иллюзію, будто у нея есть дочь и по вечерамъ, усаживая ее въ дверяхъ хаты, съ лицомъ, обращеннымъ къ солнцу, расчесывала ея рыжія косички, обильно смазанные масломъ.

Дѣвочка походила на живую послушную собачку, разyleкавшую обитателей хаты своей бѣготней. Молча покорялась она утомительной работѣ и всѣмъ злымъ прихотямъ Тонета. Напрягая изо всѣхъ силъ свои ручки, тащила она отъ канала къ дому кувшинъ, наполненный водой Деесы, такой же большой, какъ она сама. То и дѣло бѣгала она по деревушкѣ, исполняя порученія новой матери, а за столомъ ѣла, опутивъ глаза, не осмѣливаясь сунуть ложку въ миску, пока та до половины не была опустошена. Дѣдушка *Голубь*, всегда молчаливый, глядѣвшій такъ сурово, внушалъ ей большой страхъ. Такъ какъ ночью обѣ каморки были заняты, одна – супругами, другая Тонетомъ и дѣдушкой, то она спала у очага, посрединѣ хаты, на илѣ, который просачивался сквозь паруса, служившіе ей постелью, укрываясь сѣтьями отъ порывовъ вѣтра, врывавашагося черезъ печную трубу и щели разѣденной крысами двери.

Единственнымъ хорошимъ для нея временемъ были вечера. Все мѣстечко погружалось въ тишину, мужчины были или на лагунѣ или на поляхъ. Она садилась съ матерью у дверей хаты чинить паруса или вязать сѣти, и онѣ разговаривали съ сосѣдками въ великомъ безмолвіи безлюдной, неправильной улицы, поросшей травой, въ которой копошились куры и крикали утки, подставляя солнцу свои влажные бѣлые крылья.

Тонетъ не посѣщалъ больше школу, сырое маленькое помѣщеніе, за которое платило городское управленіе, гдѣ мальчики и дѣвочки въ пропитанномъ тяжелымъ запахомъ воздухѣ проводили цѣлый день, читая по складамъ или распѣвая молитвы.

Онъ былъ уже настоящимъ мужчиной, какъ говорилъ его дѣдъ, щупавшій мускулы его рукъ и ударявшій его въ грудь. Въ его годы *Голубь* уже самъ прокармливалъ себя рыбной ловлей и стрѣлялъ по всѣмъ видамъ птицъ, существовавшимъ въ Альбуферѣ.

Мальчикъ съ удовольствіемъ сопровождалъ дѣда во время его экспедицій по водѣ и сушѣ. Научился дѣйствовать весломъ, скользилъ, быстро какъ молнія, въ одной изъ маленькихъ лодокъ дядюшки *Голубя* и когда пріѣзжали охотники изъ Валенсіи, онъ устраивался на носу барки или помогалъ дѣду устанавливать парусъ, выпрыгивая на берегъ въ критическія минуты, чтобы схватить веревку и потащить барку.

Потомъ пріучался къ охотѣ. Научился дѣйствовать сравнительно легко ружьемъ дѣда, настоящей пищалью, которую можно было отличить по одному грохоту отъ всѣхъ ружей, имѣвшихся въ Альбуферѣ. Дядюшка *Голубь* клалъ сильные заряды и первые выстрѣлы заставили

мальчика такъ покачнуться, что онъ чуть не упалъ на дно барки. Постепенно онъ приручилъ стараго звѣря и мѣтко билъ лысухъ къ великому удовольствію дѣда.

Вотъ какъ надо воспитывать дѣтей! По его мнѣнію, Тонетъ долженъ ѣсть только то, что убьетъ изъ ружья или выловить изъ озера! Во время этого суроваго воспитанія дядюшка *Голубъ* подмѣтилъ въ своемъ ученикѣ признаки какой-то разслабленности. Онъ любилъ стрѣлять и ловить рыбу. Но ему не нравилось вставать до зари, цѣлый день дѣйствовать, вытянувъ руки, весломъ, и тащить, какъ лошадь, за веревку барку. Рыбакъ понялъ въ чемъ дѣло: то, что его внукъ ненавидѣлъ инстинктивной ненавистью, что возмущало все его существо, былъ — трудъ. Тщетно говорилъ дѣдъ о большой ловлѣ, которая предстоить завтра въ томъ или другомъ мѣстѣ Альбуферы. Стоило только рыбаку отвлечься и внукъ исчезалъ. Онъ предпочиталъ бѣгать по Деесѣ съ сосѣдними мальчиками, растягиваться подъ сосной и цѣлыми часами слушать чириканіе воробьевъ на вѣтвистыхъ верхушкахъ или глядѣть, какъ порхаютъ надъ лѣсными цвѣтами бѣлая бабочка или бронзовые шмели. Дѣдъ наставлялъ его безъ прока. Потомъ рѣшилъ побить, но Тонетъ, какъ маленькій дикій звѣрокъ, убѣжалъ и сталъ подбирать камни, чтобы защищаться. Старикъ примирился и какъ прежде отправлялся на озеро одинъ.

Онъ самъ всю жизнь провелъ въ трудѣ. Сынъ его Тони, хотя и сошелъ съ дороги, увлекшись крестьянскимъ трудомъ, но былъ еще способнѣе его самого въ тяжелой физической работѣ. Въ кого же пошелъ этотъ мошенникъ? Господи Боже! Кѣмъ онъ рожденъ, этотъ мальчикъ съ его неодолимымъ отвращеніемъ къ труду; съ его страстью къ неподвижности, съ его привычкой цѣлыми часами отдыхать на солнцѣ, словно жаба на краю канала.

Все мѣнялось въ этомъ мірѣ, котораго старикъ никогда не покидалъ. Альбуферу видоизмѣняли люди, принявшіеся ее обрабатывать, и вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнялись до неузнаваемости и сами люди, какъ будто преданія озера на вѣки исчезли. Сыновья рыбаковъ становились рабами земли. Внукъ поднималъ руку, вооруженную камнемъ, на дѣда. На озерѣ виднѣлись баркасы, нагруженные углемъ. Рисовыя поля расprostирались во всѣ стороны, врѣзывались въ озеро, высасывая его воду, вторгались въ лѣсъ, пролагая въ немъ большія просѣки. О Боже! Лучше ужъ умереть, чѣмъ видѣть все это, чѣмъ присутствовать при гибели міра, который онъ считалъ вѣчнымъ.

Чужой среди своихъ, онъ питалъ сильную любовь только къ матери — Альбуферѣ. Каждый день наблюдалъ онъ за ней, какъ будто хотѣлъ на сѣтчатой оболочкѣ своихъ хитрыхъ и живыхъ глазъ сильнаго старика, сохранить отпечатокъ всей воды озера и всѣхъ безчисленныхъ деревьевъ Деесы.

Паденье каждой сосны въ лѣсу онъ немедленно же замѣчалъ на большомъ разстояніи, съ самой середины озера. Еще одна! Пустое мѣсто, которое оставалось въ зеленой чашѣ, вызывало въ немъ такое же грустное настроеніе, какъ будто онъ смотритъ въ пропасть могилы. Онъ проклиналъ арендаторовъ Альбуферы, этихъ ненасытныхъ разбойниковъ. Обитатели Пальмара воровали, правда, дерево въ лѣсу, на ихъ очагѣ горѣли только дрова изъ Деесы, однако они довольствовались кустарникомъ, упавшими сухими стволами. А эти незримые сеньоры, обнаруживавшіе свое присутствіе только путемъ ружья стражника или судейскихъ фокусовъ, съ величайшимъ спокойствіемъ срубали старыя деревья, гигантовъ, которые видѣли его, когда онъ былъ еще маленькимъ и ползалъ въ баркѣ. Они были уже огромными, когда его отецъ, первый *Голубъ*, жилъ среди дикой Альбуферы, убивая ударами камышевой палки змѣй, кишѣвшихъ на берегу, все же болѣе симпатичныхъ, чѣмъ современные люди.

Грустя о гибели стараго міра, онъ уходилъ въ самые дикіе уголки, куда не проникли еще люди — эксплуататоры. Видъ старой норіи возбуждалъ въ немъ дрожь, и онъ глядѣлъ съ волненіемъ на черное, разѣденное червями колесо, на пустыя, поломанныя бадьи, полныя соломой, откуда, замѣтивъ его приближеніе, толпою выпрыгивали крысы. То были развалины мертвой Альбуферы, подобно ему самому, воспоминанія о лучшемъ прошломъ.

Желая отдохнуть, онъ причаливалъ къ равнинѣ Санча, къ лагунамъ съ ихъ липкой поверхностью и высокимъ камышемъ. И созерцая мрачный зеленый пейзажъ, гдѣ, казалось, все еще трещать кольца легендарнаго чудовища, онъ наслаждался мыслью, что есть хоть одинъ кусокъ земли, незапятнанный жадностью современныхъ людей, въ рядахъ которыхъ – увы! – находился и его собственный сынъ.

III

Когда дядюшка *Голубь* отказался от сурового воспитанія внука, послѣдній вздохнулъ съ облегченіемъ.

Онъ скучалъ, сопровождая отца на поля Салера и съ безпокойствомъ думалъ о своемъ будущемъ, видя, какъ тотъ стоялъ на илистой почвѣ рисоваго поля, среди півовокіъ и жабъ, съ мокрыми ногами и сожженнымъ солнцемъ тѣломъ. Его инстинктъ лѣниваго мальчика возмущался. Нѣтъ, онъ не послѣдуетъ примѣру отца, онъ не будетъ обрабатывать поле. Быть карabinеромъ, чтобы имѣть возможность растянуться на песокъ берега, или жандармомъ, въ родѣ тѣхъ, что приходили изъ уэрты Русафы съ желтыми ремешками и съ бѣлой покрывкой на затылкѣ, казалось ему интереснѣе, чѣмъ обрабатывать рисовыя поля, обливаясь потомъ, стоя въ водѣ, съ ногами распухшими отъ укусовъ.

Въ первое время, когда онъ сопровождалъ дѣда на Альбуферу, онъ считалъ такую жизнь сносной. Ему нравилось бродить по озеру, ѣхать, куда глаза глядятъ безъ опредѣленной цѣли, изъ одного канала въ другой, останавливаясь посрединѣ Альбуферы, чтобы поболтать съ рыбаками. Иногда онъ выходилъ на островки и свистомъ раздражалъ одиноко бродившихъ быковъ. Иногда онъ входилъ въ Деесу, собирая ежевику или разрушая кроличьи норы, ища въ нихъ молодыхъ кроликовъ. Дѣдъ хвалилъ его, когда онъ подстерегалъ спавшую лысуху или «зеленую шейку» и укладывалъ ихъ вѣрнымъ выстрѣломъ изъ ружья...

Еще больше ему нравилось лежать по цѣлымъ часамъ въ баркѣ на спинѣ, слушая рассказы дѣда о прошлыхъ временахъ. Дядюшка *Голубь* вспоминалъ о самыхъ замѣчательныхъ событіяхъ своей жизни, о своемъ обращеніи съ важными особами, о контрабандистскихъ набѣгахъ во время юности, не обходившихся безъ стрѣльбы, или, углубляясь въ свои воспоминанія, онъ говорилъ объ отцѣ, первомъ *Голубѣ*, повторяя то, что въ свою очередь слышалъ отъ него.

Этотъ рыбакъ былыхъ временъ, никогда не покидавшій Альбуферы, былъ свидѣтелемъ великихъ событій. И дядюшка *Голубь* рассказывалъ внуку о путешествіи къ Альбуферѣ Карлоса IV и его супруги, когда онъ самъ еще и не родился на свѣтъ. Это однако нисколько не мѣшало ему описать Тонету большія палатки съ флагами и коврами, воздвигнутыя между соснами Деесы для королевскаго пиршества, музыкантовъ, своры собакъ, лакеевъ съ напудренными париками, сторожившихъ телѣги съ съѣстными припасами. Король въ охотничьемъ костюмѣ обходилъ стрѣлковъ – крестьянъ изъ Альбуферы, почти обнаженныхъ, вооруженныхъ старыми пищалями, удивляясь ихъ подвигамъ, тогда какъ Марія Луиса гуляла въ тѣнистомъ лѣсу подъ руку съ дономъ Мануэлемъ Годой.

И вспоминая объ этомъ знаменитомъ посѣщеніи, старикъ запѣвалъ пѣсенку, которой его научилъ отецъ:

Подъ тѣнью зеленой сосны
Говоритъ королю королева:
Люблю тебя очень, Карлитось,
Но больше люблю Мануэля.

Его дрожавшій голосъ принималъ во время пѣнія насмѣшливое выраженіе, при каждомъ стихѣ онъ подмигивалъ, какъ тогда, когда обитатели Альбуферы придумали четверостишіе, мстя за экскурсію, которая своей пышностью казалась насмѣшкой надъ смиренной нищетой рыбаковъ.

Эта счастливая для Тонета пора продолжалась недолго. Дѣдъ становился все требовательнѣе и деспотичнѣе. Видя, что внукъ наловчился управлять баркой, онъ уже не позволялъ ему бродить, когда захочется. Съ утра онъ поднималъ его на ловлю, точно засаживалъ въ тем-

нищу. Онъ долженъ былъ собрать опущенныя прошлой ночью большія сѣти, въ которыхъ извивались угри, и снова опустить ихъ: работа, требовавшая извѣстнаго напряженія, заставлявшая его стоять на краю барки подъ жгучими лучами солнца.

Дѣдъ слѣдилъ неподвижно за работой мальчика, не оказывая ему помощи. Возвращаясь домой, старикъ растягивался на днѣ барки, какъ илвалидъ, предоставляя вести ее внуку, который задыхался, дѣйствуя весломъ. Рыбаки издали привѣтствовали морщинистое лицо дядюшки *Голубя*, показывавшееся у края барки. «Ахъ, хитрецъ. Какъ удобно онъ устроился! Бездѣльничаетъ, какъ пальмарскій попъ, а бѣдный внукъ обливается потомъ, работая весломъ!» Дѣдъ возражалъ съ авторитетностью учителя: «Такъ учатся люди! Точно такъ же его самого училъ отецъ!»

Потомъ наступало время ловли острогой: поѣздка по озеру отъ заката и до восхода солнца, въ темнотѣ зимнихъ ночей. Тонетъ присматривалъ на носу за кучей сухихъ листьевъ, горѣвшихъ, какъ факель, распространяя по черной водѣ широкую кровавую полосу. Дѣдъ становился на кормѣ съ острогой въ рукѣ: это былъ желѣзный трезубецъ съ острымъ концомъ, страшное орудіе, которое впившись въ предметъ могло быть оторвано только съ большими усилиями и страшными слѣдами разрушенія. Свѣтъ проникалъ до самаго дна озера. Ясно выступали раковины, водоросли, цѣлый таинственный міръ, незримый днемъ. Вода была такъ прозрачна, что, казалось, барка носится въ воздухѣ. Обманутыя свѣтомъ рыбы слѣпо бросались на красное сіяніе и – цапъ! – каждымъ ударомъ дядюшка *Голубь* вытаскивалъ изъ глубины жирную рыбу, отчаянно трепетавшую на концѣ остраго трезубца.

Этотъ способъ рыбной ловли приводилъ Тонета на первыхъ порахъ въ восторгъ. Однако мало – по – малу развлеченіе превратилось въ рабство и онъ начиналъ ненавидѣть озеро, съ тоской глядя на бѣлые домики Пальмара, выдѣлявшіеся на темной линіи тростниковъ.

Съ завистью вспоминалъ онъ о первыхъ годахъ, когда свободный отъ всякихъ другихъ обязанностей, кромѣ посѣщенія школы, онъ бѣгалъ по всѣмъ улочкамъ деревушки, слыша, какъ всюду сосѣдки называли его хорошенькимъ и поздравляли мать.

Тогда онъ былъ еще своимъ собственнымъ господиномъ. Больная мать говорила съ нимъ съ блѣдной улыбкой, извиняя всѣ его выходки, а *Подкидышъ* выносила всѣ его дерзости съ кротостью низшаго существа, съ благоговѣніемъ взирающаго на болѣе сильное. Кишѣвшая между хатами дѣтвора видѣла въ немъ своего предводителя и всѣ шли вдоль канала, бросая камнями въ утокъ, убѣгавшихъ, крикая подъ крики женщинъ.

Разрывъ съ дѣдомъ обозначалъ возвращеніе къ старой вольной жизни. Онъ уже не будетъ уходить изъ Пальмара до зари, чтобы до ночи оставаться на озерѣ. Весь день былъ въ его распоряженіи въ этой деревушкѣ, гдѣ изъ мужчинъ оставались только священникъ, школьный учитель и начальникъ морскихъ карабинеровъ, который прогуливался съ своими свирѣпыми усами и краснымъ носомъ алкоголика на берегу канала, между тѣмъ, какъ женщины пряли въ дверяхъ, оставляя улицу въ распоряженіе дѣтишекъ.

Освободившись отъ труда, Тонетъ возобновилъ старыя дружбы. У него было два товарища, родившіеся по сосѣдству: Нелета и *Піавка*.

Дѣвочка не имѣла отца. Ея мать была торговкой угрями въ городѣ. Въ полночь она нагружала свои корзины на баркасъ, именуемый «телѣгой угрей». По вечерамъ она возвращалась въ Пальмаръ, рыхлая и тучная, утомленная дневнымъ путешествіемъ, ссорами и торгомъ на рынкѣ. Бѣдная женщина ложилась до наступленія ночи, чтобы встать съ первыми звѣздами и такая ненормальная жизнь не позволяла ей заботиться о дочери. Дѣвочка росла на попеченіи сосѣдокъ и главнымъ образомъ матери Тонета, часто дававшей ей поѣсть и обращающейся съ ней, какъ съ новой дочкой. Дѣвочка была однако менѣе послушна, чѣмъ *Подкидышъ*, и предпочитала сопровождать Тонета въ его экскурсіяхъ, вмѣсто того, что по цѣлымъ часамъ сидѣть и учиться вязать сѣти.

Піавка носилъ ту же кличку, какъ его отецъ, самый знаменитый пьяница во всей Альбуферѣ, маленькій старичокъ, высохшій отъ долготѣшняго пьянства. Оставшись вдовцомъ, съ однимъ только сыномъ, маленькимъ *Піавочкой*, онъ отдался алкоголю, и народъ видя, какъ онъ жадно и безпокойно посасываетъ вино, сравнилъ его съ *піавкой*, создавъ такимъ образомъ его кличку.

По цѣлымъ недѣлямъ онъ пропадалъ изъ Пальмара. Порой бывало извѣстно, что онъ бродилъ по деревушкамъ материка, прося милостыню у богатыхъ крестьянъ Катаррохи и Массонасы и высыпаясь въ амбарахъ. Когда онъ долгое время проживалъ въ Пальмарѣ, по ночамъ исчезали изъ каналовъ сѣти, верши опорожнялись до прихода ихъ хозяевъ, и не одна сосѣдка, считая своихъ утокъ, съ крикомъ и плачемъ удостовѣрялась въ пропажѣ одной изъ нихъ. Карабинеръ громко кашлялъ и такъ близко подходилъ къ *Піавкѣ*, какъ будто хотѣлъ ткнуть ему въ глаза свои большіе усы. Пьяница протестовалъ, призывая въ свидѣтели святыхъ, за неимѣніемъ болѣе достовѣрныхъ поручителей. Просто это интриги! Людиотять его погубить, какъ будто недостаточно онъ уже несчастенъ и бѣденъ, обитая въ худшей хатѣ деревушки! И чтобы успокоить свирѣпаго представителя закона, не разъ выпивавшаго рядомъ съ нимъ и только не признававшего своихъ друзей за стѣнами трактира, онъ перекочевывалъ на друтой берегъ Альбуферы, не возвращаясь въ Пальмаръ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль.

Сынъ его отказывался слѣдовать за нимъ во время этихъ экспедицій. Родившись въ собачьей конурѣ, гдѣ никогда не видно было хлѣба, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ приучился самъ доставать себѣ пищу и вмѣсто того, чтобы сопровождать отца, старался, напротивъ, уйти отъ него, чтобы не дѣлиться съ нимъ плодами своей хитрости и ловкости.

Когда рыбаки садились за столъ, они видѣли, какъ взадъ и впередъ передъ дверью хаты ходить чья-то меланхолическая тѣнь. Она, наконецъ, останавливалась у одного изъ косяковъ двери, склонивъ голову и глядя исподлобья, какъ молодой быкъ, готовый къ нападенію.

Это былъ *Піавочка*, который обнаруживалъ свой голодъ съ лицемѣрнымъ выраженіемъ смиренія и стыдливости, тогда какъ въ его плутовскихъ глазахъ блистало желаніе завладѣть всѣмъ, что онъ видѣлъ.

Появленіе его производило впечатлѣніе! Бѣдный мальчуганъ! И ловя на лету полуобглоданную кость лысухи, кусокъ линя или черстватаго хлѣба, онъ набивалъ себѣ желудокъ, переходя отъ двери къ двери. Когда собаки съ глухимъ лаемъ подбѣгали къ одному изъ трактировъ Пальмара, *Піавочка* также бѣжалъ туда, какъ будто былъ посвященъ въ тайну. То были охотники, стряпавшіе рисъ съ говядиной, люди изъ Валенсіи, пріѣхавшіе на озоро, чтобы съѣсть знаменитое блюдо: «чеснокъ и перецъ». Когда пріѣзжіе, усѣвшись передъ столикомъ трактира, принимались между ѣдой защищаться отъ натиска голодныхъ собакъ, имъ помогать мальчикъ въ лохмотьяхъ, которому и удавалось путемъ улыбокъ и отпугиванія злыхъ собакъ остаться хозяиномъ остатковъ сковороды. Отъ карабинера онъ получилъ старую солдатскую шляпу, полицейскій подарилъ ему брюки утонувшаго въ тростникахъ охотника. Его всегда босые ноги были настолько же сильны, насколько слабы были его руки, никогда не дѣйствовавшія ни шестомъ, ни весломъ.

Грязный, голодный *Піавка*, на каждомъ шагѣ бѣшено чесавшій голову подъ грязной шляпой, пользовался большимъ авторитетомъ среди дѣтвора. Тонетъ былъ сильнѣе его, легко расправлялся съ нимъ и всетаки считалъ себя ниже и слѣдовалъ всѣмъ его указаніямъ.

Это былъ авторитетъ человѣка, умѣвшаго существовать за собственный счетъ, не нуждаясь ни въ чьей помощи. Дѣтишки смотрѣли на него съ нѣкоторой завистью, такъ какъ ему не приходилось бояться отцовскихъ выговоровъ и у него не было никакихъ обязанностей. Къ тому же его выходки очаровывали, и малыши, получавшіе дома за малѣйшую неосмотрительность хорошую пощечину, считали себя настоящими мужчинами, сопровождая этого мошенника, который на все смотрѣлъ, какъ на свое, и пользовался всѣмъ: не было такого оставленнаго въ баркахъ предмета, который онъ не дѣлалъ своею собственностью.

Онъ объявилъ открытую войну всѣмъ обитателямъ воздуха, такъ какъ ихъ легче было ловить, нежели обитателей озера. Удивительно умнымъ способомъ собственнаго изобрѣтенія охотился онъ за такъ называемыми мавританскими воробьями, опустошающими Альбуферу. Крестьяне боятся ихъ, какъ злой чумы, такъ какъ они поѣдаютъ значительную часть риса. Лучшимъ его временемъ было лѣто, когда было изобиліе маленькихъ озерныхъ чаекъ, которыхъ онъ ловилъ сѣтью.

Внукъ дядюшки *Голубя* помогать ему при этой работѣ. Они были на половинныхъ началахъ, важно заявлялъ Тонетъ, и оба мальчика по цѣлымъ часамъ подстерегали на берегу озера птицъ, дергая за веревочку и уловляя въ сѣти неосторожныхъ. Наловивъ порядочную добычу, *Пиавка* смѣлый путникъ, отправлялся по дорогѣ въ Валенсію съ сѣтью черезъ плечо, а въ ней чайки махали своими темными крылышками и съ отчаяніемъ выставляли бѣлое брюшко. Маленькій разбойникъ ходилъ по ближайшимъ къ рыбному рынку улицамъ, выкрикивая своихъ птицъ и городскіе мальчики сбѣгались, чтобы купить чаекъ, привязать къ ихъ лапкамъ веревку, и заставить ихъ летать на перекресткахъ.

На обратномъ пути между компаньонами начинались пререканія, приводившія къ полному коммерческому разрыву. Съ такимъ жуликомъ положительно нельзя сводить счеты! Тонетъ билъ, билъ *Пиавку*, но не получалъ ни одного очаво изъ полученныхъ за продажу денегъ. Легковѣрный, подчиняясь его хитрости, онъ однако снова приходилъ къ нему въ хату, полуразрушенную и безъ дверей, гдѣ тотъ спалъ одинъ большую часть года.

Когда *Пиавкъ* исполнилось одиннадцать лѣтъ, онъ пересталъ водиться съ своими прежними друзьями. Его инстинктъ паразита побуждалъ его посѣщать церковь, ибо это былъ лучший путь втереться въ домъ священника.

Въ такой деревушкѣ, какъ Пальмаръ, попъ былъ бѣденъ, какъ любой рыбакъ, но *Пиавка* испытывалъ невольную тягу къ вину въ церковныхъ сосудахъ: о немъ говорили въ трактирѣ съ большимъ восторгомъ, какъ онъ самъ слышалъ. Къ тому же лѣтомъ, когда озеро, казалось, кипѣло подъ лучами солнца, маленькая церковка казалась ему заколдованнымъ дворцомъ съ ея сумеречнымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь зеленые окна, ея стѣнами, выштукатуренными въ бѣлый цвѣтъ, и поломъ изъ красныхъ кирпичей, дышавшимъ влагой болотистой почвы.

Дядюшка *Голубь*, презиравшій маленькаго разбойника за его ненависть къ труду рыбака, вознегодовалъ, когда узналъ о его новой привязанности. Ахъ, бродяга, бродяга! И какъ онъ умѣетъ выбрать себѣ занятіе!

Когда священникъ отправлялся въ Валенсію, *Пиавка* носилъ за нимъ до барки корзину, наполненную бѣльемъ и платьемъ и шелъ по берегу прощаясь съ нимъ съ такой нѣжностью, словно больше не увидитъ его. Онъ помогать служанкѣ въ хозяйствѣ, приносилъ дрова изъ Деесы, воду изъ ключей, бившихъ на днѣ озера, и испытывалъ сладкую дрожь, какъ сластолюбивый котъ, когда въ маленькомъ помѣщеніи, служившемъ ризницей, одинъ, въ безмолвіи, уничтожалъ остатки обѣда священника. По утрамъ, звоня въ колоколь, пробуждавшій деревушку, онъ испытывалъ гордость своимъ положеніемъ. Удары, которыми священникъ оживлялъ его энергію, казались ему знаками отличія, возносившими его высоко надъ товарищами.

Порою страсть къ этой нелегкой жизни подъ сѣнью церкви ослабѣвала, уступая мѣсто тоскѣ по старой бродячей жизни. Тогда онъ отыскивалъ Нелету и Тонета и они вмѣстѣ устраивали прежнія игры, бѣгали по берегу, до самой Деесы, представлявшейся этимъ простоватымъ товарищамъ концомъ свѣта.

Однажды осенью подъ вечеръ мать Тонета послала ихъ въ лѣсъ за дровами. Вмѣсто того, чтобы надоѣдать ей, возясь въ хатѣ, они могли бы быть полезными, притащивъ нѣсколько охапокъ сучьевъ, такъ какъ зима была недалека.

Они отправились втроемъ. Дееса цвѣла и благоухала, какъ садъ. Подъ нѣжными лучами почти лѣтняго солнца кустарники покрывались цвѣтами и надъ ними блестѣли насѣкомыя, словно золотыя почки, порхая съ глухимъ стрекотомъ. Вѣковыя покривившіяся сосны трже-

ственно шумѣли верхушками и подѣ ихъ сводами распространялся нѣжный полумракъ, словно въ огромномъ соборѣ. Порой между двумя стволами просачивался лучъ солнца, какъ будто проходя черезъ окно.

Каждый разъ, когда Тонетъ и Нелета проникали въ Деесу, они чувствовали себя во власти одного и того же настроенія. Они испытывали страхъ, не зная, передъ чѣмъ. Они точно находились въ волшебномъ замкѣ великана, который вотъ – вотъ можетъ появиться.

Они шли по извилистымъ лѣснымъ тропинкамъ, то спрятанные кустарникомъ, волновавшимся надъ ихъ головами, то вдругъ, всходя на самую высокую дюну, съ которой сквозь колоннаду стволовъ открывался видъ на огромное зеркало озера, испещренное барками, маленькими, какъ мухи. Ноги ихъ тонули въ землѣ, покрытой корой затвердѣвшаго навоза. При шумѣ ихъ шаговъ, при малѣйшемъ ихъ крикѣ кустарники содрагались отъ бѣшенной скачки незримыхъ звѣрей. То были кролики, которые убѣгали. Издали доносился звонъ колокольчиковъ стада коровъ, пасшихся по направленію къ морю.

Дѣти казались опьяненными тишиной и благоуханіемъ яснаго вечера. Когда они посѣщали лѣсъ въ зимніе дни, то все – и сухіе, голые кустарники и холодный вѣтеръ, дувшій съ моря такъ, что рукамъ становилось морозно, наконецъ весь трагическій видъ Деесы при сѣромъ освѣщеніи затянутого тучами неба – все заставляло ихъ быстро набрать сучьевъ на самой опушкѣ, чтобы потомъ безъ передышки бѣжать до самаго Пальмара.

Но въ этотъ вечеръ они шли храбро впередъ, желая исходить весь лѣсъ, хотя бы имъ пришлось дойти до края свѣта.

Ихъ путь былъ полонъ неожиданностей. Нелета съ инстинктами женщины, которая стремится быть какъ можно красивѣе, вмѣсто того чтобы искать сухіе сучья, рвала вѣтки мирта и украшала ими свои нечесанные волосы. Потомъ срывала вѣтки мяты и другихъ душистыхъ растений, покрытыхъ цвѣтами, пряный запахъ которыхъ опьянялъ ее. Тонетъ собиралъ лѣсные колокольчики и, свивъ изъ нихъ вѣнокъ, клалъ его на ея лохматую головку. Со смѣхомъ указывалъ онъ, какъ она похожа на головки, нарисованныя надъ алтарями въ церкви Пальмара. *Пиавка* искалъ своей мордочкой паразита чего-нибудь съѣдобнаго въ этой сіявшей и благоухавшей природѣ. Онъ проглатывалъ красныя ягоды *дикой вишни* и съ силой, которая могла быть объяснена только голодомъ, вырывалъ изъ земли капустныя пальмы, ища горькій стволъ, подъ мясистыми волокнами котораго находились нѣжные сладкія сѣмена. Въ лѣсныхъ просѣкахъ, низменностяхъ, лишенныхъ деревьевъ, такъ какъ въ продолженіи зимы ихъ покрывала вода, порхали стрекозы и бабочки. Бѣгая, дѣти получали царапины въ ноги отъ кустарниковъ, уколы отъ остраго, какъ копья, камыша, но они смѣялись надъ болью и шли дальше, восхищенные красотой лѣса. На тропинкахъ встрѣчали они короткихъ, толстыхъ и блестящихъ червяковъ, словно живые цвѣты, двигавшіеся по землѣ волнообразными нервными движеніями. Они поднимали пальцами этихъ гусеницъ, глядя на нихъ, какъ на таинственные существа, природы которыхъ они не въ силахъ разгадать, и снова клали на землю, слѣдя на четверенькахъ за ихъ волнообразными движеніями, пока они не скрывались въ кустахъ. Они бѣгали за стрекозами и всѣ трое смотрѣли съ восхищеніемъ на нервный полетъ самыхъ обычныхъ, красныхъ, а также на другихъ, одѣтыхъ какъ волшебницы, съ серебряными крылышками, зеленой спинкой и золотой грудкой.

Бродя на авось, въ самой серединѣ лѣса, куда они никогда не заходили, они замѣтили вдругъ, какъ измѣнился пейзажъ. Они проникли въ кусты, росшіе въ ущельяхъ, и вдругъ очутились въ темномъ сумракѣ. Съ каждымъ шагомъ слышался все ближе безпростанный ревъ. То было морк, бившееся о берегъ по ту сторону цѣпи дюнъ, замыкавшихъ горизонтъ.

Сосны не были здѣсь такими прямыми и важными, какъ ближе къ озеру. Стволы ихъ покривились, сучья были почти бѣлыми и верхушки опускались внизъ. Всѣ деревья склонились въ одномъ направленіи, точно въ глубокомъ безмолвіи вечера пронесся невидимый морской вѣтеръ. Во время бурь онъ яростно налеталъ на эту часть лѣса, придавая ей мрачный видъ.

Дѣти повернули назадъ. Они много слыхали объ этой части Деесы, самой дикой и опасной. – Безмолвіе и неподвижность кустовъ нагоняли на нихъ страхъ. Тамъ скользили большія змѣи, преслѣдуемая сторожами Деесы, и паслись дикіе быки, уединявшіеся отъ стада, заставляя охотниковъ заряжать ружья крупной солью, чаюбы, не убивая, вспугнуть ихъ.

Піавка, лучше другихъ знавшій Деесу, вель своихъ товарищей къ озеру, но встрѣчавшіяся на дорогѣ капустныя пальмы заставляли его сбиваться съ дороги.

Наступала ночь. Нелета начинала беспокоиться, видя, какъ въ лѣсу становится темно. Оба мальчика смѣялись. Сосны образовывали огромный домъ, въ которомъ было темно, какъ въ ихъ хатахъ, когда солнце еще не совсѣмъ зашло, тогда какъ за лѣсомъ было еще свѣтло. Нечего спѣшить! И они продолжали искать капустныя пальмы. Дѣвочка успокаивалась, когда Тонетъ угощалъ ее сладкими сѣменами и отставала, высасывая ихъ. Когда на поворотѣ тропинки, она увидѣла себя одинокой, она постѣшила присоединиться къ мальчикамъ.

Теперь въ самомъ дѣлѣ наступила ночь... Таково было мнѣніе *Піавки*, знавшаго Деесу. Вдали уже не слышались колокольчики стада. Надо поскорѣе выбраться изъ лѣса, собравъ предварительно сучья, а то дома влетитъ. И они принялись искать сухіе сучья у корней сосенъ, въ кустахъ. Быстро собрали три маленькія связки и отправились ощупью въ темнотѣ. Еще нѣсколько шаговъ и наступилъ полный мракъ. Въ той сторонѣ, гдѣ должна была лежать Альбуфера, виднѣлось словно зарево потухавшаго пожара, тогда какъ въ лѣсу стволы и кусты едва выступали на темномъ фонѣ, какъ еще болѣе темныя тѣни.

Піавка терялъ прежнее спокойствіе. Онъ не зналъ, куда шель. Сбившись съ тропинки, они спотыкались о колючій кустарникъ, рвавшій ихъ ноги. Нелета вздыхала отъ страха, вскрикнула и упала... Ударившись о корни сосны, перерѣзавшіе дорогу, она ранила себѣ ногу. *Піавка* настаивалъ на продолженіи пути, на томъ, чтобы бросить на произволь судьбы неповоротливую дѣвочку, умѣющую только нюни распускать. Дѣвочка тихо плакала, словно боясь нарушить безмолвіе лѣса, и привлечь вниманіе ужасныхъ звѣрей, населявшихъ темноту, а Тонетъ потихонько грозилъ *Піавкѣ* сказочнымъ количествомъ щелчковъ и пощечинъ, если онъ не останется съ ними въ качествѣ проводника.

Шли они медленно, ощупывая ногами почву. Уже не встрѣчались имъ кустарники. Подъ ними была вязкая тропинка. Однако на всѣ замѣчанія Тонетъ уже не получалъ отвѣта отъ спутника, который шель впереди.

– *Піавка! Піавка!*

Шорохъ ломающихся сучьевъ и задѣтыхъ во время бѣга кустарниковъ былъ единственнымъ отвѣтомъ: точно спасался дикій звѣрь. Тонетъ въ бѣшенствѣ закричалъ: Ахъ, разбойникъ! Онъ бѣжалъ, чтобы скорѣе выйти изъ лѣса, не хотѣлъ итти съ товарищами, что бы не помогать Нелетѣ. Когда дѣти остались вдвоемъ, они сразу почувствовали, какъ ихъ покидаютъ послѣдніе остатки сдокойствія. Такой опытный бродяга, какъ *Піавка*, былъ для нихъ большой помощью. Испуганная Нелета, забывая всякое благоразуміе, громко плакала, и ея рыданія раздавались въ безмолвіи лѣса, казавшагося безпредѣльнымъ. Страхъ подруги вновь возбудилъ энергію Тонета. Обнявъ одной рукой дѣвочку, онъ поддерживалъ и ободрялъ ее, спрашивалъ, можетъ ли она итти, хочетъ ли она слѣдовать за нимъ все дальше, хотя бѣдный мальчикъ и не зналъ, куда.

Долго они стояли, прижавшись другъ къ другу: она – рыдая, онъ охваченный страхомъ безвѣстнос, стараясь однако его пересилить.

Что-то липкое и холодное пронеслось мимо нихъ, коснувшись лица. Быть можетъ, летучая мышь: и это прикосновеніе, бросавшее ихъ въ дрожь, вывело ихъ изъ печальнаго бездѣйствія. Снова они принялись быстро шагать, падая и снова поднимаясь, натыкаясь на кустарникъ, сталкиваясь съ деревьями, пугаясь шумовъ, которые побуждали ихъ ускорять бѣгство. Оба думали объ одномъ и томъ же, но скрывали свою мысль изъ инстинктивной боязни увеличить страхъ. Въ ихъ памяти вставалъ образъ *Санчи*. Проходили цѣлымъ роемъ легенды озера,

слышанныя ночью у очага хаты, и дотрогиваясь руками до стволовъ, они думали что прикасаются къ чешуйчатой холодной кожѣ огромныхъ гадовъ. Крики лысухъ, доносившіеся издали изъ тростника на озерѣ, казались имъ жалобнымъ стономъ убиваемыхъ. Ихъ безумное бѣгство сквозь кустарники, трескъ сучьевъ, шорохъ травы пробуждали въ темныхъ кустахъ таинственные существа, которыя убѣгали, шурша сухими листьями.

Они дошли до большой просѣки, совершенно не представляя себѣ, въ какомъ мѣстѣ безграничнаго лѣса они находятся. Здѣсь, на открытомъ мѣстѣ было не такъ темно. Наверху простиралось темно – голубое небо кое – гдѣ свѣтло блестящее, словно большое полотно, растянутое надъ темной массой лѣса, окружавшаго равнину. Дѣти остановились на этомъ свѣтломъ и спокойномъ островкѣ. У нихъ не было больше силъ продолжать путь. Они дрожали отъ страха передъ темной чащей деревьевъ, двигавшихся во всѣ стороны, какъ море волнующихся тѣней. Они сѣли, тѣсно обнявшись. словно прикосновеніе ихъ тѣлъ вливало въ нихъ бодрость. Нелета перестала плакать. Побѣжденная печалью и утомленіемъ, она склонила головку на плечо друга и тихо вздыхала. Тонетъ озирался кругомъ, точно больше лѣсного мрака его беспокоилъ этотъ сумеречный свѣтъ, въ которомъ ему то и дѣло мерещился силуэтъ дикаго звѣря, врага заблудившихся дѣтей. Въ безмолвіи раздавалось кукованіе кукушки, лягушки въ ближнемъ болотѣ, умолкшія при ихъ появленіи, снова обрѣтали мужество и затягивали свою пѣснь, надоедливые большіе москиты жужжали вокругъ ихъ головъ, обозначаясь въ полумракѣ въ видѣ темной стрекочущей тучи.

Дѣти постепенно успокоились. Здѣсь было совсѣмъ недурно. Можно было переночевать. Теплота ихъ плотно прижавшихся тѣлъ, казалось, вливала въ нихъ новую жизнь, заставляя забывать о своемъ страхѣ и безумномъ бѣгствѣ сквозь чащу лѣса.

Надъ верхушками сосенъ, по направленію къ морю, показалась свѣтлая полоса. Казалось, звѣзды гаснутъ, погружаясь въ молочныя волны. Возбужденныя таинственностью лѣса, дѣти съ тревогой смотрѣли на это явленіе, точно кто-то прилетѣлъ къ нимъ на помощь, окруженный свѣтлымъ ореоломъ. Вѣтки сосенъ съ ихъ кружевной зеленой тканью выдѣлялись чернымъ рисункомъ на свѣтломъ фонѣ. Надъ сводами лѣса вспыхнуло что-то блестящее, въ видѣ сначала маленькой слегка изогнутой линіи, похожей на серебряную бровь, потомъ свѣтящаго полукруга и наконецъ огромнаго лица, нѣжнаго цвѣта меда, распространявшаго между ближайшими звѣздами свое сіяніе. Казалось, луна улыбается дѣтямъ, взиравшимъ на нее съ благоговѣніемъ маленькихъ дикарей.

Лѣсъ измѣнился, какъ только показался полнощекій ликъ луны, отъ которой тростники заблестѣли, какъ серебряныя хлысты. У корней каждаго дерева простиралась безпокойная черная тѣнь. Казалось, лѣсъ растеть, удваивается, словно на свѣтящейся землѣ вырастаетъ другой призрачный лѣсъ.

Дикіе соловьи озера, такъ страстно любящіе свободу, что умирають, если ихъ посадить въ клѣтку, запѣли во всѣхъ концахъ просѣки и даже москиты жужжали нѣжнѣ въ насыщенномъ свѣтомъ уголкѣ.

Приключеніе начинало казаться обоимъ дѣтямъ интереснымъ.

Нелета уже не чувствовала боли въ ногѣ и спокойно говорила на ухо своему спутнику. Преждевременно развившійся инстинктъ женщины, хитрость брошенной, бродячей кошечки давала ей большое преимущество передъ Тонетомъ. Они останутся въ лѣсу! Не правда-ли? Завтра, вернувшись домой, они найдутъ предлогъ объяснить свое приключеніе. *Піавка* пусть за все отвѣчаетъ! Они переночуютъ здѣсь и увидятъ то, чего никогда еще не видали. Они будутъ спать вмѣстѣ, будутъ какъ мужъ и жена. И въ своей наивности они дрожа произносили эти слова, еще тѣснѣ прижимаясь другъ къ другу, какъ будто инстинктъ имъ подсказывалъ, что пробуждавшаяся нѣжность требуетъ, чтобы они какъ можно яснѣ ощущали теплоту своихъ тѣлъ.

Тонетъ испытывалъ странное необъяснимое опьяненіе. Никогда еще тѣло подруги, которую онъ такъ часто билъ во время грубыхъ игръ, не обладало такой пріятной теплотой, которая, казалось, распространялась по его жиламъ и ударяла ему въ голову, возбуждая такое же волненіе, какъ чарка вина, которой его угощаль въ трактирѣ дѣдъ. Онъ смотрѣлъ безцѣльно передъ собой, но все его вниманіе было поглощено головкой Нелеты, тяжело лежавшей на его плечѣ, и нѣжнымъ дыханіемъ ея рта, обдававшимъ его шею, точно ее щекочетъ чья-то бархатная рука. Оба молчали и безмолвіе только увеличивало чары минуты. Нелета открыла свои зеленые глаза, въ глубинѣ которыхъ луна отражалась, какъ капля росы, и принявъ болѣе удобную позу, снова закрыла ихъ.

– Тонетъ... Тонетъ! – шептала она, какъ во снѣ, прижимаясь къ товарищу.

Сколько могло быть времени? Мальчикъ чувствовалъ, какъ смыкались глаза не столько отъ сна, сколько отъ страннаго опьяненія, которое, казалось, подавляло его. Изъ всѣхъ шороховъ лѣса онъ слышалъ только жужжанье москитовъ, летавшихъ, какъ облака, надъ грубой кожей дѣтей озера. Это былъ странный концертъ, который усыплялъ ихъ, укачивая на волнахъ перваго сна. Одни пѣли, какъ писклявыя скрипки, до безконечности растягивая одну ноту, другіе, болѣе важные, пробовали цѣлую гамму, а огромные и жирные издавали глухой дрожащій звукъ, словно низкіе контрабасы или далекій бой часовъ. На слѣдующее утро сжигая ихъ лица, разбудило ихъ солнце, и лай собаки стражника, которая приблизила свою морду вплотную къ ихъ головамъ. Они находились на самой границѣ Деесы и до Пальмара было всего нѣсколько шаговъ.

Мать Тонета всегда добрая и грустная, побѣждала за нимъ съ весломъ въ рукѣ, чтобы вознаградить себя за безпокойную ночь, и слегка побила его, несмотря на его быстроту. До пріѣзда матери Нелеты въ «телѣгѣ угрей», она на всякій случай побила и ея дочку, чтобы та не пропадала больше въ лѣсу.

Послѣ этого приключенія, вся деревня, точно по молчаливому соглашенію, называла Тонета и Нелету женихомъ и невѣстой. Словно связанные навсегда той ночью, проведенной въ лѣсу въ тѣсныхъ объятіяхъ, они искали другъ друга, и любили другъ друга, не высказывая своего чувства словами, какъ будто между ними было условлено, что они должны принадлежать другъ другу.

Съ этимъ приключеніемъ кончилось ихъ дѣтство. Кончилась бѣготня, веселая, беззаботная жизнь безъ всякихъ обязанностей.

Нелета стала вести ту же жизнь, что и мать: каждую ночь она отправлялась въ Валенсію съ корзинами угрей и возвращалась только на слѣдующій вечеръ. Тонетъ, видѣвшій ее только на мгновеніе при наступленіи ночи, работалъ съ отцомъ въ полѣ или ловилъ рыбу съ нимъ и съ дѣдомъ. Дядюшка Тони, ранѣе столь добрый, теперь, когда сынъ выросъ, былъ также требователенъ, какъ и дядюшка *Голубъ*, и Тонетъ, какъ примирившееся животное, исполнялъ нехотя свою работу. Его отецъ, этотъ упрямый герой земли, былъ непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Когда наступило время посѣва или жатвы риса, мальчикъ цѣлый день проводилъ на поляхъ Салера. Остальную часть года онъ ловилъ рыбу, иногда съ отцомъ, иногда съ дѣдомъ, допускаяшимъ его, какъ товарища, въ свою барку, каждый разъ ругая однако собачью судьбу, по волѣ которой въ его семьѣ родятся такіе бродяги.

Теперь мальчикъ работалъ отъ скуки. Въ деревушкѣ не оставалось никого, съ кѣмъ онъ могъ бы водиться. Нелета была въ Валенсіи, а товарищи по играмъ, выросшіе, какъ и онъ самъ, обязанные зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, выѣзжали въ озеро вмѣстѣ съ отцами. Оставался *Пиавка*, но мошенникъ послѣ приключенія въ Деесѣ удалялся отъ Тонета, вспоминая встрепку, которой тотъ заплатилъ за измѣну, совершенную имъ той ночью.

Какъ будто это событіе предрѣшило его будущее, бродяга искалъ себѣ прибѣжище въ домѣ священника, въ качествѣ его слуги, и спалъ какъ ообака за дверью, не думая объ отцѣ,

который лишь изрѣдка появлялся въ заброшенной хатѣ, черезъ крышу которой падалъ дождь, какъ на открытомъ полѣ.

Старый *Пиавка* нашелъ себѣ, наконецъ, промыселъ. Когда онъ бывалъ трезвъ, онъ посвящалъ себя охотѣ за выдрами. Ихъ число не доходило и до дюжины, такъ какъ ихъ испоконъ вѣка упорно преслѣдовали.

Однажды вечеромъ, переваривая вино на берегу, онъ замѣтилъ на водѣ круги, кипѣніе и большіе пузыри. Ктото нырять, между сѣтями, замыкавшими каналъ, ища въ нихъ рыбу. Спустившись въ воду, съ шестомъ, который ему одолжили, онъ сталъ охотиться за темнымъ животнымъ, бѣгавшимъ по дну, пока ему не удалось убить его и взять,

То была знаменитая – выдра, о которой въ Пальмарѣ говорили, какъ о фантастическомъ существѣ, одна изъ тѣхъ выдръ, которыми когда-то кишѣло озеро, и которыя разрывали сѣти, такъ что было невозможно ловить рыбу.

Старый бродяга считалъ себя теперь первымъ человѣкомъ Альбуферы. Рыбачья община Пальмара обязана была по старымъ законамъ, занесеннымъ въ книги, хранившіеся у присяжнаго, выдавать за каждую пойманную выдру по одному дуру. Старикъ взялъ награду, но на этомъ не остановился. Животное было настоящимъ кладомъ! Онъ отправился показывать его въ гавани Катарохи и Сильи, и дошелъ въ своемъ триумфальномъ шествіи вокругъ озера до Суеки и Кульеры.

Со всѣхъ сторонъ его звали. Не было трактира, гдѣ бы его не принимали съ распростертыми объятіями. Сюда, *Пиавка*! Пусть покажетъ звѣря, котораго убилъ! И бродяга послѣ нѣсколькихъ стакановъ вина любовно вынималъ изъ подъ плаща бѣдное животное, мягкое и вонючее, позволяя любоваться его шкурой, даже дотронуться до нея, – но только съ большой осторожностью! – чтобы удостовѣриться въ ея мягкости.

Никогда руки отца не обнимали съ такой мягкостью и нѣжностью маленькаго сына, когда онъ родился на свѣтъ, какъ это животное! Прошло нѣсколько дней, народу надоѣла выдра, никто не давалъ за нея даже и чарки водки, не было ни одного трактира, который не старался бы отдѣлаться отъ *Пиавки*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.